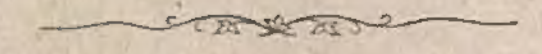

T 23/5

СОБОРНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ

ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА.

Москва, 1879 года.

Типографія Л. Ѳ. Снегирева. Остоженка, Савеловскій пер., д. Снегиревой.

СОБОРНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ

ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА.

Москва, 1879 года.

Типографія Л. Ѳ. Снегирева. Остоженка, Савеловскій пер., д. Снегиревой.

Дозволено цензурою. Москва, 4 августа, 1879 г.
Цензоръ архимандритъ Амфилохій.

Изъ книж. „Чтеній“ въ общ. люб. дух. просвѣщ., за 1879 г.

Соборное изложеніе патріарха Филарета.

Соборное изложеніе патріарха Филарета доселѣ даетъ поводъ слѣпымъ поклонникамъ старины къ незаконнымъ и дерзкимъ упрекамъ церкви великороссійской въ уклоненіи ея отъ древняго православія, такъ какъ положительное ученіе этого изложенія о томъ, что должно перекрещивать латинянъ, переходящихъ въ церковь православную, отмѣнено соборнѣ (1667 г.), какъ неимѣющее за собою непоколебимыхъ основаній и построенное только на соображеніяхъ, выводимыхъ часто изъ измышленныхъ самимъ составителемъ пунктовъ вѣроученія латинской церкви. Въ этомъ изложеніи можно найти характеристическія черты умственнаго развитія людей временъ патріарха Филарета, ихъ знакомства съ основными догматами и правилами христіанской религіи и степени ихъ умѣнья пользоваться своими знаніями, ревности святителей русскихъ о чистотѣ христіанства, о неизмѣнномъ соблюденіи правилъ заповѣданныхъ св. апостолами, соборами и св. отцами, и о спасеніи ввѣренныхъ ихъ водительству христіанъ. Соборное изложеніе есть одинъ изъ вѣрнѣйшихъ памятниковъ взгляда святителей русскихъ на католицизмъ того времени. Отношеніе церкви русской къ католицизму, какъ слѣдствіе того или иного взгляда, ясно выразилось въ этомъ изложеніи. Со времени отдѣленія церкви западной отъ восточной, церковь русская, слѣдуя неуклонно догматамъ восточной православной церкви, не вступала въ тѣсное общеніе съ католиками, тщательно уклонялась отъ всѣхъ новшествъ запада, не входила съ нею въ солидарныя отношенія, но болѣе и болѣе уклонялась отъ единенія съ церковію, привнесшею въ свое вѣроученіе много такого, что не было заповѣдано вѣрующимъ ни Основателемъ религіи, ни преемниками Его св. апостолами, ни, наконецъ, соборами св. отецъ.

Разъединеніе это достигло крайнихъ предѣловъ во времена патріарха Филарета, такъ что предстоятели русской церкви ставили послѣдователей католической церкви ниже еретиковъ, искажавшихъ основные догматы вѣры, считая папежниковъ принявшими въ свое вѣроученіе всѣ древнія ереси—и потому тщательно уклонялись отъ всякаго съ ними общенія. Соборное изложеніе патріарха Филарета, можно назвать представителемъ взгляда русской церкви на послѣдователей католицизма и отношеній церквей между собою. Это голосъ не одного какого либо лица, положимъ пользующагося всеобщимъ авторитетомъ, но единогласное выраженіе всѣхъ главныхъ пастырей русской церкви.

Поводомъ къ соборному разсужденію, и побужденіемъ составить рѣзкій протестъ противъ католицизма служило слѣдующее обстоятельство. Священники отъ церкви Пресвятыя Богородицы во имя честнаго и славнаго Ея рождества, что въ Столечникахъ, Иванъ и Евѳимій донесли патріарху московскому Филарету, что Іона митрополитъ сарскій и подонскій двоихъ, изъявившихъ свое желаніе перейти къ православію отъ латинской церкви, повелѣлъ только помазать св. мνромъ, не повторяя надъ ними таинства крещенія, вопреки общепринятому правилу русской церкви принимать латинянъ въ свое сообщество не иначе, какъ чрезъ повтореніе надъ ними крещенія. Давая приказаніе принять латинянъ безъ повторенія надъ ними крещенія, митрополитъ Іона ясно выразилъ этимъ свой взглядъ на крещеніе латинской церкви, какъ на крещеніе законное, нашедши основаніе своему взгляду въ правилахъ св. соборовъ. Не довѣряя законности взгляда своего митрополита, священники донесли патріарху о повелѣніи митрополита, представивъ на его разсмотрѣніе выписку изъ правилъ св. соборовъ, составленную по митрополичьему указу,—выписку служившую основаніемъ законности взгляда митрополита, что латинянъ, приходящихъ къ православію, не должно крестить, а только помазывать св. мνромъ. Такъ какъ новый взглядъ митрополита не согласенъ былъ со взглядомъ патріарха, этотъ послѣдній, считая дѣло митрополита совершенно незаконнымъ, рѣшился возстать противу нововведенія, заставить митрополита отказаться отъ своего воззрѣнія для его же собственнаго спасенія и спасенія другихъ. Ратуя

за чистоту христіанскаго ученія, строго опасаясь уклониться въ чемъ-либо отъ древле-исполняемыхъ въ русской церкви правилъ св. отецъ, патріархъ Филаретъ вызвалъ къ себѣ митрополита и прежде чѣмъ занялся точнымъ разсмотрѣніемъ правилъ св. соборовъ съ цѣлію дознать истину, разсчитывалъ склонить митрополита на свою сторону указаніемъ на патріарха Игнатія, который сдѣлалъ первый шагъ въ вопросѣ о крещеніи, принявши въ правосланую церковь, чрезъ совершеніе одного таинства мѵропомазанія, Марину Мнишекъ, нареченую невѣсту Лжедимитрія 1-го и за это, по словамъ патріарха Филарета, былъ осужденъ общимъ голосомъ русскихъ священноначальниковъ, на основаніи правилъ св. соборовъ и св. отецъ, въ 1606 году. Указаніе на этотъ фактъ гарантировало, по мнѣнію патріарха, вѣрность его взляда на спорный пунктъ и ясно протестовало противъ законности дѣйствій митрополита,—патріархъ Игнатій, какъ бы такъ говоритъ онъ, первый изъ русскихъ священноначальниковъ принялъ въ православную церковь изъ католичества безъ вторичнаго совершенія таинства крещенія,—совершивъ одно мѵропомазаніе, и такимъ образомъ онъ возсталъ противъ обычая, освященнаго временемъ, противъ убѣжденій всего русскаго духовенства, и осужденъ былъ общимъ голосомъ русскихъ священноначальниковъ, произнесшихъ свое осужденіе на основаніи правилъ св. соборовъ и св. отецъ. При взглядѣ на дѣло и личность низложеннаго патріарха Игнатія, патріархъ Филаретъ опускаетъ изъ виду, за что именно произнесено осужденіе на Игнатія. Факты незаконности дѣйствій Игнатія, его отношенія къ самозванцу, его даже незаконность возведенія въ санъ патріарха, совершившагося по инниціативѣ людей, преданныхъ самозванцу, съ цѣлію устранить сильную оппозиціонную партію противъ Лжедимитрія въ представителѣ всего духовенства русскаго,— факты эти опущены изъ виду патріархомъ Филаретомъ,— онъ представляетъ одно изъ дѣйствій низложеннаго патріарха, за которое менѣе всего можно было низложить его, и это дѣйствіе считаетъ за главную причину осужденія и низложенія. Патріархъ Филаретъ не допускаетъ законности дѣйствій со стороны человѣка, осужденнаго голосомъ русскихъ святителей,—и дѣйствіе, совершенное низложеннымъ лицемъ,

поставляетъ въ вину человѣку, который находился совершенно въ другихъ отношеніяхъ къ церкви и государству и допустилъ это дѣйствіе по другимъ побужденіямъ, совершенно на другомъ основаніи; своимъ указаніемъ на дѣло низложеннаго патріарха, онъ давалъ знать митрополиту Іонѣ неправость его дѣйствія, намекалъ ему объ участи такой же, какая постигла Игнатія, – этимъ указаніемъ онъ какъ бы такъ говоритъ: допуская истинность крещенія латинской церкви, ты преступаешь правила св. соборовъ и св. отецъ, потому что также точно мыслилъ патріархъ Игнатій, осужденный госоломъ русскихъ священноначальниковъ и низведенный изъ своего сана, на основаніи правилъ соборовъ. Патріархъ Филаретъ имѣетъ въ виду одно осужденіе Игнатія, находитъ въ его дѣйствіяхъ и убѣжденіи фактъ законности латинскаго крещенія, и такъ какъ въ этомъ пунктѣ былъ несогласенъ съ митрополитомъ Іоною, а равно и съ низложеннымъ Игнатіемъ,—то и признаетъ этотъ пунктъ главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ Игнатія, опуская изъ виду личность Игнатія, его отношеніе къ государству и даже самой церкви. Далѣе патріархъ Филаретъ указываетъ на рѣшеніе этого вопроса патріархомъ Гермогеномъ. Для избавленія русской земли отъ разразившихся надъ нею бѣдствій во время царствованія самозванцевъ и междуцарствія, съ общаго совѣта боярской думы и духовенства, рѣшено было возвести на русскій престолъ, сына польскаго короля Сигизмунда, королевича Владислава; съ этою цѣлію отправлена была депутація къ польскому королю, въ которой участвовалъ и патріархъ Филаретъ, бывши еще митрополитомъ ростовскимъ. Такъ какъ королевичь Владиславъ былъ крещенъ крещеніемъ латинскимъ, то, по совѣту русскаго духовенства, рѣшено было возложить на него царскую корону не иначе, какъ если онъ будетъ крещенъ крещеніемъ православной церкви. Патріархъ Гермогенъ, какъ представитель духовенства, поручилъ митрополиту Филарету составить сборникъ изъ правилъ св. соборовъ и св. отецъ, на основаніи, которыхъ должно повторять крещеніе надъ тѣми лицами, надъ которыми оно неправильно совершено. По словамъ патріарха Филарета, онъ прилежно разсматривалъ правила соборовъ и отеческія, гдѣ говорится о повтореніи крещенія,

„дабы всѣмъ дать знать, яко вси еретики, различныхъ еретическихъ вѣръ, не имутъ права св. крещенія еже водою и Духомъ Святымъ и того ради отъ всѣхъ еретическихъ вѣръ различныхъ приходящихъ къ православію подобаетъ совершенно крестити святымъ крещеніемъ.... Всѣхъ убо еретическихъ вѣръ, по св. правиломъ св. отецъ сквернѣйши и мотѣйши есть латиняне папежницы, потому что они, какъ онъ говоритъ далѣе, всѣхъ древнихъ еллинскихъ и жидовскихъ и еретическихъ вѣръ ереси проклятыя въ законъ свой пріяша, и со всѣми съ погаными языки и съ проклятыми со всѣми же ерстиками обще все и дѣйствуютъ и мудрствуютъ".

Соборное низложеніе патріарха Игнатія, фактически оправдывавшаго законность крещенія латинской церкви [1]) и сборникъ правилъ, составленный самимъ патріархомъ Филаретомъ о томъ, что должно перекрещивать лицъ, переходящихъ отъ еретичества къ православію, и одобренный патріархомъ Гермогеномъ и всѣмъ русскимъ духовенствомъ, служитъ главнымъ щитомъ, которымъ прикрываетъ составитель свое воззрѣніе на крещеніе латинской церкви и закрываетъ себя отъ яснаго правильнаго пониманія правилъ св. соборовъ и св. отецъ. Оградивъ себя отъ нареканій своихъ современниковъ въ измѣненіи чего либо древле внесеннаго въ церковную практику полнымъ подчиненіемъ рѣшенію русскихъ священноначальниковъ и сборнику правилъ, составленному самимъ Филаретомъ, подъ редакціей патріарха Гермогена, патріархъ Филаретъ положительно говоритъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, единомудрствующемъ съ правилами св. соборовъ, св. отецъ и съ ученіемъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ, митрополитовъ и др., и о митрополитѣ Іонѣ возвѣщаетъ, какъ о нововводителѣ, привнесшемъ въ церковную практику обыкновеніе, противное правиламъ св. соборовъ и св. отецъ, представляетъ его на судъ общественнаго мнѣнія, какъ еретика, ищущаго себѣ похвалы у

[1]) Въ планъ настоящаго разсужденія не входитъ разсмотрѣніе по какимъ побужденіямъ, изъ какихъ разсчетовъ патріархъ Игнатій не повторилъ таинство крещенія надъ Мариною, что руководило его въ этомъ случаѣ сознаніе ли и увѣренность въ законности крещенія латинской церкви, или одно желаніе угодить Маринѣ и въ лицѣ ея своему царю.

противниковъ ученія Христова, который долженъ отдать отчетъ въ своемъ незаконномъ дѣйствіи предъ судомъ правды Божіей. На сколько вѣренъ отзывъ о себѣ патріарха Филарета и основательно ли онъ представляетъ митрополита Іону, какъ отступника отъ ученія св. соборовъ и св. отецъ? Для рѣшенія этого вопроса необходимо заняться разборомъ соборнаго изложенія патріарха Филарета, пересмотрѣть вѣрно ли указаніе его на правила св. соборовъ, точенъ ли смыслъ, выводимый имъ изъ правилъ и основательно ли приложеніе этихъ правилъ къ католическому вѣроисповѣданію. Въ этомъ случаѣ выяснится сущность дѣла, откроется истина и заключеніе будетъ ясно само по себѣ.

Въ оправданіе законности своего дѣйствія относительно пункта принятія къ православію приходящихъ изъ католичества, митрополитъ Іона ссылается на 95 правило шестаго Вселенскаго собора, въ которомъ содержится указаніе на еретиковъ, надъ которыми должно повторять крещеніе и которыхъ перекрещивать не должно, но только должно запечатлѣвать ихъ св. мүромъ, въ знакъ общенія ихъ съ православною церковію. Буквальнаго указанія на то, должно ли повторять крещеніе надъ переходящими изъ латинской церкви—нѣтъ въ этомъ правилѣ собора, и митрополитъ Іона беретъ его за основаніе своего дѣйствія, соображаясь съ сущностію вѣроученія еретиковъ, поименованныхъ въ соборномъ правилѣ и раздѣленныхъ на двѣ категоріи,—тѣхъ, которыхъ должно перекрещивать и такихъ, крещеніе которыхъ признается законнымъ, слѣдовательно должно быть оставлено безъ повторенія и принимать ихъ должно чрезъ совершеніе надъ ними таинства мүропомазанія, и съ сущностію латинскаго вѣроученія и относитъ латинянъ къ послѣдней категоріи. Съ своей стороны и патріархъ Филаретъ беретъ это правило собора въ основаніе своего ученія и дальнѣйшимъ развитіемъ сущности правилъ приходитъ къ заключенію и законности своего воззрѣнія на крещеніе латинянъ. „Мы убо то правило обрѣтше и чтохомъ, и въ томъ правилѣ 95 написано, яко павликіаны, иже отъ Павла самосатскаго суть, и евноміаны, и мандонисты, иже есть мантане, и савеліоны, и манихеи, и валентиніаны, и маркіониты и сущія отъ подобныхъ имъ ересей, приходящія къ

правовѣрнѣй вѣрѣ, яко еллины пріемлемъ сія; а еллинъ подобаетъ совершенно крестити, а въ латинскихъ ересѣхъ всѣ тѣ ереси есть суть". Прежде всего должно замѣтить, что цитуемыя слова изъ правила собора, какъ подлинное правило, неправильно приведены патріархомъ Филаретомъ. Они взяты имъ изъ толкованія на это правило, какъ замѣчаетъ объ этомъ соборъ 1667 г.; подлинныя слова, цитуемыя патріархомъ, содержатся въ 8 и 19 правилахъ перваго Вселенскаго собора и въ 7 правилѣ втораго собора Вселенскаго; въ этихъ правилахъ указывается на такихъ еретиковъ, которыхъ должно крестить,—подлинное же правило 6-го Вселенскаго собора читается такъ: „Присоединяющихся къ православію изъ еретиковъ пріемлемъ по слѣдующему чиноположенію и обычаю. Аріанъ, македоніанъ, наватіанъ, именующихъ себя чистыми и лучшими, четыредесятидневниковъ или тетрадитовъ, и аполлинаристовъ, когда они даютъ рукописанія и проклинаютъ всякую ересь, не мудрствующую, како мудрствуетъ Св. Божія каѳолическая и апостольская церковь, пріемлемъ, запечатлѣвая, т. е. помазуя св. мνромъ". Митрополитъ Іона, оправдывая законность своего дѣйствія, ссылается на подлинное правило шестаго Вселенскаго собора, и говоритъ, что это правило повелѣваетъ не крестить латинянъ, приходящихъ къ православію, а только помазывать св. мνромъ,—онъ беретъ первую половину правила, въ которой говорится о такихъ еретикахъ, крещеніе которыхъ св. отцы на соборахъ признали законнымъ, а потому и повелѣваютъ принимать ихъ безъ повторенія надъ ними крещенія, и при сопоставленіи вѣроученія поименованныхъ въ правилѣ еретиковъ съ вѣроученіемъ католической церкви, основательно находитъ, что сущность основнаго догмата христіанской вѣры какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ остается неповрежденною, и отсюда дѣлаетъ прямое заключеніе,—заключеніе, выдерживающее критику, что такъ какъ отцы вселенскихъ соборовъ запрещаютъ повторять крещеніе надъ тѣми еретиками, у которыхъ оно совершается правильно, то не должно вторично крестить латинянъ. По этому онъ имѣлъ право сказать, что означенное правило повелѣваетъ не крестить латинянъ, а только мνропомазывать. Напротивъ того, патріархъ Филаретъ, опустивъ

изъ виду первую половину соборнаго правила, беретъ во вниманіе слѣдующую его часть, гдѣ поименованы тѣ еретики, надъ которыми должно совершать крещеніе, при обращеніи ихъ къ православію, и говоритъ, что правило собора, указанное Іоною, не содержитъ смысла, запрещающаго крестить, а напротивъ того, прямо повелѣваетъ крестить, и что, по его взгляду, латинская ересь содержитъ въ себѣ всѣ ереси, поименованныя въ этомъ правилѣ, ихъ крещеніе не есть крещеніе, какъ крещеніе еретическое, а потому приходящихъ къ православію отъ ереси латинской должно принимать чрезъ повтореніе крещенія.

Для избѣжанія частыхъ повтореній, которыя необходимо встрѣтятся при дальнѣйшемъ разборѣ соборнаго изложенія о томъ, какихъ еретиковъ приходящихъ къ православію должно крестить и какихъ не должно, сдѣлаемъ краткій обзоръ основаній, по которымъ св. отцы церкви крещеніе однихъ еретиковъ признавали и доселѣ православная церковь признаетъ законнымъ, дѣйствительнымъ, а крещеніе другихъ отвергаютъ. Общія основанія тѣ, что одни изъ еретиковъ не имѣли у себя правильнаго крещенія ни по существу его, ни по внутреннему значенію, ни по формѣ, или внѣшнему образу. Таковы были евноміане, монтанисты, савеліане; они принимаемы были въ церковь неиначе, какъ язычники, т. е. оглашеніемъ и крещеніемъ. Другіе еретики хотя повреждали въ своихъ лжеученіяхъ догматы вѣры, но сохраняли правильное крещеніе во имя Отца и Сына и Св. Духа, и потому при обращеніи ихъ къ православной церкви крещеніе надъ ними не повторялось, а совершалось только муропомазаніе, которымъ и знаменовалось утвержденіе ихъ союза съ церковію чрезъ подаяніе подъ видомъ сего таинства благодатныхъ даровъ Св. Духа, таковы напримѣръ несторіане, евтихіане.

Сдѣлавши общее заключеніе о латинянахъ, какъ такихъ еретикахъ, у которыхъ въ вѣроученіе привзошли всѣ ереси, поименованныя въ 95 правилѣ шестаго Вселенскаго собора и относящіяся къ категоріи еретиковъ, не имѣющихъ правильнаго крещенія, патріархъ Филаретъ не прямо переходитъ къ разбору вѣроученія латинскаго, чтобъ доказать законность и основательность своего положенія, но приво-

дитъ еще три соборныхъ правила 46 апостольское, 50 и 19 Вселенскаго собора 1-го, для того, чтобы окончательно утвердить за собою авторитетъ, на основаніи правилъ не признающій крещенія латинской церкви. 46 апостольское правило читается такъ: „Епископа или пресвитера, пріявшихъ крещеніе или жертву еретиковъ, извергати повелѣваемъ". Для точнаго опредѣленія смысла этого правила необходимо нужно брать его въ связи съ слѣдующимъ правиломъ апостоловъ 47, гдѣ говорится: „Епископъ или пресвитеръ аще по истинѣ крещеніе имѣющаго вновь окреститъ, или аще отъ нечестивыхъ оскверненнаго не окреститъ: да будетъ изверженъ, яко посмѣвающійся кресту и смерти Господней, и не различающій священниковъ отъ лжесвященниковъ". Въ первомъ изъ этихъ правилъ говорится вообще о томъ, что не должно принимать еретическаго крещенія, безъ опредѣленія всѣхъ ли еретиковъ и всякое ли крещеніе не должно принимать. Составитель соборнаго изложенія въ подтвержденіе своего воззрѣнія на крещеніе беретъ это апостольское правило, такъ какъ въ немъ содержится мысль о недѣйствительности еретическаго крещенія вообще и слѣдовательно латинскаго въ частности. Если брать во вниманіе одинъ только тотъ фактъ, что они еретики, —взявши во вниманіе одно это правило, можно оправдать дѣйствіе патріарха Филарета въ отношеніи къ перекрещиванію, по неопредѣленности самаго правила. но составитель соборнаго изложенія, какъ представитель всего духовенства, разсуждающій о такомъ важномъ предметѣ христіанской религіи, обязанъ всесторонне ознакомиться съ сущностію всѣхъ вообще правилъ для составленія окончательнаго рѣшенія, не говоримъ уже о томъ, какъ неосновательно для подтвержденія своей мысли брать отрывочныя общія по смыслу правила, поэтому онъ долженъ былъ неточное содержаніе 46 апостольскаго правила пояснить слѣдующимъ правиломъ 47, и тогда бы вышло заключеніе совершенно противоположное выведенному составителемъ соборнаго изложенія. Въ совокупности своей эти правила апостольскія вполнѣ обнимаютъ вопросъ о крещеніи и рѣшаютъ его съ опредѣленною точностію. Они вообще запрещаютъ принимать крещеніе, такъ какъ и евхаристію и всякое другое священнодѣйствіе ере-

тиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаютъ вновь крестить всякаго, поистинѣ имѣющаго крещеніе, т. е. правильно окрещеннаго; такимъ образомъ общая мысль правилъ та, что крещеніе по существу своему вообще не повторяемо, если оно совершено правильно и по существу его, и по внѣшнему образу, то оно не повторяется и надъ приходящими отъ ересей,—напротивъ, неправильно совершенное или поврежденное крещеніе не должно быть принимаемо.

Разсмотримъ теперь 50 апостольское правило цитуемое составителемъ соборнаго изложенія и потомъ уже сдѣлаемъ общее заключеніе о приложимости этихъ правилъ къ крещенію литинскому, по понятію составителя изложенія. „Аще кто епископъ, или пресвитеръ совершитъ не въ три погруженія единаго тайнодѣйствія, но едино погруженіе, данное въ смерть Господню, да будетъ изверженъ“. Это правило апостоловъ служитъ дальнѣйшимъ развитіемъ мысли о крещеніи, содержащейся въ 46 и 47 правилахъ. Тамъ вообще запрещается принимать крещеніе еретическое и всякое неправильное; здѣсь указываются три мѣры такого крещенія — крещеніе не съ троекратнымъ погруженіемъ, а съ однимъ, какъ бы во имя одного лица,—слѣдовательно въ немъ уничтожается сущность самаго таинства, такъ какъ Господь нашъ, опредѣляя сущность таинства, опредѣлилъ его такъ: шедше (убо) научите вся языки—крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа (но не въ смерть Мою, или Мое имя). Слишкомъ ясенъ смыслъ этихъ правилъ, въ нихъ заповѣдуется совершать крещеніе надъ тѣми еретиками, которые погружаются во едино погруженіе, которые извратили смыслъ заповѣди Спасителя и удалились отъ основнаго догмата вѣры христіанской; и напротивъ запрещаютъ повторять крещеніе надъ тѣми, которые крещаются во имя Отца и Сына и Св. Духа, содержатъ правильно основный догматъ христіанства и уклонились отъ православія разногласіями въ какихъ либо другихъ догматахъ, или разногласятъ съ нею въ церковной практикѣ. Изъ разсмотрѣнія содержанія правилъ, приведенныхъ составителемъ соборнаго изложенія въ подтвержденіе своего воззрѣнія на крещеніе латинской церкви, ясно вытекаетъ заключеніе о не основательномъ приложеніи этихъ правилъ къ латинскому крещенію, — говоря о не правиль-

номъ крещеніи, которое слѣдовательно вновь должно совершать. Апостольское правило между другими примѣрами представляетъ тотъ, „аще кто крещаетъ не въ три (крещенія) погруженія, но въ едино, въ смерть Господню даемое, да извержется“. Ни подъ одинъ изъ примѣровъ, представленныхъ въ этихъ правилахъ, нельзя подвести крещенія латинской церкви. Въ ней крещеніе совершается по существу правильно — латиняне трижды обливающе крестятъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, о чемъ мы знаемъ изъ чина совершенія таинствъ въ латинской церкви, и что должно бы быть не безъизвѣстно составителю соборнаго изложенія.

19 правило перваго Вселенскаго собора также нисколько не подтверждаетъ мнѣнія составителя соборнаго изложенія. „О бывшихъ павліанами, но потомъ прибѣгнувшихъ къ каѳолической церкви, поставляется опредѣленіе, чтобы они всѣ вообще вновь крестимы были“ и проч. Подъ этимъ названіемъ разумѣются послѣдователи Павла самосатскаго еретика III-го вѣка, который не признавалъ воплощенія Бога Слова, отвергалъ троичность лицъ Божества, почиталъ Іисуса Христа простымъ человѣкомъ и т. д. Такимъ образомъ павліане повреждали самые основные догматы православной вѣры, и уже не могли имѣть у себя правильнаго крещенія, которое совершается только во имя трехъ лицъ Божества. По этой причинѣ св. отцы Никейскаго собора повелѣваютъ принимать обращающихся къ церкви павліанъ, какъ язычниковъ и крестить ихъ. Какимъ образомъ можетъ быть приложено это правило къ латинской церкви? Подводя подъ одну категорію павліанъ и латинянъ, составитель соборнаго изложенія очевидно находилъ совершенное сходство въ ученіи тѣхъ и другихъ о Троицѣ, воплощеніи и лицѣ Іисуса Христа, но противъ такого страннаго смѣшенія двухъ совершенно противуположныхъ ученій ясно протестуетъ вѣроученіе латинской церкви. Если составитель соборнаго изложенія не довѣрялъ вѣроученію латинской церкви, то сильный протестъ противъ его мнѣній найдется въ соборныхъ обличеніяхъ на латинскую церковь, составленныхъ при патріархѣ Фотіѣ IX в. и позднѣе. Въ этихъ обличеніяхъ перечисляются всѣ заблужденія латинской церкви, но нѣтъ даже и намека на сходство вѣроученія латинской церкви съ ересью

павліанъ. Слѣдовательно неправильно патріархъ Филаретъ сопоставилъ крещеніе павліанъ съ крещеніемъ латинской церкви.

Свидѣтельствуя объ истинномъ пониманіи правилъ св. апостоловъ и св. отецъ, митрополитъ Іона не надѣется на свой авторитетъ, но ссылается еще въ этомъ случаѣ на свидѣтельство Нифонта архіепископа новгородскаго, извѣстнаго по своей благочестивой жизни, по своей ревности о чистотѣ православія и о благѣ церкви, который думалъ о крещеніи латинской церкви согласно съ мнѣніемъ митрополита Іоны. „Оже будетъ кый человѣкъ и крещенъ въ латинскую вѣру и восхощетъ приступити къ намъ. Ашь ходить въ церковь по 7 дней, а ты первѣе нарекъ ему имя, таже четыре молитвы створяй ему на день, иже по 10-жды молваться, а мяса не дай, ни молока, и отъ оглашенныхъ. И тако 2, осмый день измыется и придетъ къ тобѣ и сотвори ему молитвы по обычаю и облечеши и въ порты чисты или самъ ся, 3. и надежеши ризы крестныя, 4, и вѣнець и тако номажеши и св. мюромъ и дай ему свѣщу. А на литургіи даси ему причастье и тако держиши, яко новокрещеннаго и до осьмаго дне и проч.“ [1]) Въ отвѣтѣ архіепископа новгородскаго Нифонта на вопросъ чернеца и священника Киріака прямо, ясно и положительно говорится, какъ должно принимать желающаго обратиться къ православію изъ латинской церкви, преподаются даже мельчайшія подробности обрядовой стороны, но не упоминается о томъ, что должно крестить обращающагося, но говорится только, что должно помазывать св. муромъ — помажеши и святымъ мюромъ;... и тако держиши, яко новокрещеннаго.

Составитель соборнаго изложенія не могъ заподозрить въ уклоненіи отъ православія Нифонта, не могъ отвергнуть подлинности его отвѣта, какъ пользующагося популярностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ планъ его воззрѣній не входило и то, чтобъ согласиться съ ученіемъ архіепископа новгородскаго, — по этому онъ касается какъ бы мимоходомъ представленнаго Іоною свидѣтельства изъ Кирикова вопрошенія, онъ не говоритъ о достоинствѣ самаго отвѣта, но замѣчаетъ

[1]) Истор. пам. Русск. слов. XII в. стр. 175.

только, что такова указу нигдѣ, ни въ которыхъ правилѣхъ не написано, ни во апостольскихъ, ни во вселенскихъ, седми соборѣхъ ни въ помѣстныхъ. Справедливо то, что такого буквальнаго повелѣнія не содержится ни въ одномъ изъ правилъ, потому что здѣсь подробно описывается вся обрядовая сторона принятія, но сущность отвѣта архіепископа Нифонта взята изъ правилъ апостоловъ и соборныхъ, именно изъ тѣхъ, гдѣ перечисляются еретики, надъ которыми не должно совершать крещенія, но только мѵропомазаніе, наприм., 95 прав. шестаго вселенскаго собора. 46 и 50 апостольскія правила, цитуемыя самымъ патріархомъ Филаретомъ; 8 и 19 правила перваго вселенскаго собора, Никейскаго и друг. Это сознаетъ и самъ составитель соборнаго изложенія, что можно замѣтить изъ его условной рѣчи и колеблющагося тона, „да аще бы и было то въ древнихъ лѣтѣхъ, но послѣди того въ нихъ многія ереси учинилися“, какъ это свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что Сергій патріархъ исключилъ папъ изъ помянниковъ и предалъ латинянъ окончательному отлученію. Основательно замѣчаніе патріарха Филарета, что въ древнія времена еще не послѣдовало окончательнаго раздѣленія между восточною и западною церквами; потому что западная церковь держалась еще въ предѣлахъ умѣренности и не достигла крайней степени относительно привнесенія въ свое вѣроученіе и церковную практику новшествъ, чуждыхъ духу и практикѣ древней церкви, и что въ послѣдствіи западная церковь увлекшись своеволіемъ привнесла много несогласнаго съ духомъ ученія христіанскаго; но это не даетъ еще права составителю соборнаго изложенія произвольно судить о ереси латинской и на основаніи своего сужденія отвергать законность и дѣйствительную силу таинства крещенія, совершаемаго въ церкви латинской. Долгъ нашъ въ этомъ случаѣ требуетъ отъ насъ точно и строго провѣрить вѣроученіе западной церкви, сопоставить его съ ученіемъ древнихъ еретиковъ, по поводу которыхъ подробно разсуждали отцы вселенскихъ соборовъ и помѣстныхъ, — и уже послѣ точнаго и вѣрнаго сопоставленія причислить западниковъ къ той или другой категоріи еретиковъ, — признать законность ихъ крещенія, или не признать. Проклятіе, произнесенное патріархомъ Сергіемъ на западную церковь и

исключеніе изъ памятниковъ именъ папъ, нисколько не оправдываетъ взгляда патріарха Филарета на крещеніе латинской церкви. Обличая западную церковь за отступленія, подробно перечисливши всѣ ея нововведенія, патріархъ Сергій, ровно какъ и другіе не могли упрекнуть ее въ ученіи о тройственности лицъ въ Богѣ, такъ какъ латинская церковь была согласна въ этомъ пунктѣ съ церковію восточною. Если же западная церковь признаетъ три Лица въ Богѣ, и совершаетъ крещеніе во имя трехъ Лицъ, заключеніе отселѣ вытекаетъ прямое, о законности и дѣйствительности крещенія латинской церкви, и его неповторяемости, какъ законно совершаемаго. То справедливо, что западная церковь далеко уклонилась отъ православія, но всѣ эти уклоненія не касаются догмата о троичности Лицъ въ Богѣ и объ образѣ совершенія таинства крещенія и слѣдовательно составитель соборнаго изложенія указываетъ на нихъ какъ на доказательство недѣйствительности латинскаго крещенія. Въ этомъ случаѣ онъ обличается своими же указаніями какъ неимѣющими основанія въ правилахъ соборныхъ, по которымъ бы можно было найти основанія, уничтожающія законность крещенія латинской церкви.

Точно такъ же самъ себя обличаетъ составитель соборнаго изложенія ссылкою на обычай русской церкви, существовавшій будтобы съ самаго основанія ея, не принимать латинянъ и другихъ еретиковъ безъ крещенія. Слова нѣтъ о другихъ еретикахъ, но относительно латинянъ должно замѣтить, что законность крещенія начали признавать гораздо ранѣе временъ низложеннаго патріарха Игнатія и крутицкаго митрополита Іоны. Самъ же составитель выше говорилъ объ отвѣтѣ Нифонта архіепископа новгородскаго на Кириково вопрошеніе—какъ принимать латинянъ приходящихъ къ православію, отвѣтѣ положительно признавшемъ законность латинскаго крещенія, изъ котораго видно, что обычай этотъ существовалъ въ русской церкви еще въ XII вѣкѣ; теперь же онъ опускаетъ изъ виду свое прежнее замѣчаніе по этому поводу и увѣреннымъ тономъ утверждаетъ, что такого обычая не существовало въ русской церкви, что латынь не крестили до времени низложеннаго патріарха Игнатія и митрополита Іоны.

Представивши 95 правило шестаго Вселенскаго собора, въ которомъ перечисляются еретики, надъ которыми должно совершать крещеніе, какъ основаніе своего воззрѣнія на латинское крещеніе, какъ недѣйствительное, составитель изложенія развиваетъ далѣе свою мысль,—онъ послѣдовательно разбираетъ заблужденія латинской церкви, сопоставляетъ ихъ съ заблужденіями еретиковъ, отнесенныхъ въ правилахъ къ категоріи неимѣющихъ у себя правильнаго крещенія, и на основаніи своихъ соображеній дѣлаетъ заключеніе о не дѣйствительности латинскаго крещенія. Прослѣдимъ послѣдовательно — на сколько точны указанія заблужденій латинской церкви, на сколько вѣрны сопоставленія заблужденій латинской церкви съ заблужденіями сопоставляемыхъ еретиковъ и какъ логичны выводы на основаніи этихъ сопоставленій о недѣйствительности латинскаго крещенія, какъ еретическаго.

Первое обличеніе касается относительно поста въ субботу, содержимаго въ римской церкви. „Сіи изверженніи и проклятіи мелхиседекіяне убо и жидове и армени, равну ересь въ себѣ содержать, еже въ субботу постятся. Отъ нихъ же кто восхощетъ быти въ православіи нашего христіанскаго закона, и сихъ святая правила повелѣваютъ совершенно крестити св. крещеніемъ". Запрещеніе поститься въ субботу находится еще въ 64 апостольскомъ правилѣ. „Аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ постящимся въ день Господень или въ субботу, кромѣ единыя токмо (великія субботы): да будетъ изверженъ. Аще же міранинъ, да будетъ отлученъ". Свидѣтельства древней церкви показываютъ, что съ самаго начала христіанства вмѣстѣ съ днями воскресными почитались и субботніе и какъ тѣ, такъ и другіе освобождались отъ поста. Первые дни въ память воскресенія Спасителя, а вторые, какъ праздничный день ветхаго завѣта, по воспоминанію о совершеніи всего творенія и о покоѣ Божіемъ въ седьмый день міра. Такъ было по всѣмъ христіанскимъ церквамъ. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что это было установленіе апостольское; а особое правило изъ него составлено, по изъясненію толкователей, противъ еретиковъ, какъ то: гностиковъ, манихеевъ, маркіонитовъ, которые почитая вещество міра зломъ, и потому Самого Творца міра признавая виновникомъ зла, не хотѣли праздновать, а сѣтовали и по-

стилась намѣренно въ тотъ день, когда Богъ почилъ отъ дѣлъ творенія. Кромѣ того неуваженіемъ субботы они хотѣли выразить еще свое неуваженіе къ ветхому завѣту, котораго не признавали Божественнымъ. Римская церковь ведетъ обычай поститься въ субботу съ первыхъ вѣковъ, производя установленіе его въ Римѣ отъ апостоловъ Петра и Павла, 1) въ воспоминаніе смерти Спасителя и пребыванія его во гробѣ въ день субботній, 2) въ память скорби апостоловъ во время смерти Спасителя, 3) въ отличіе христіанскихъ обычаевъ отъ іудейскихъ; но въ самой римской церкви были разногласія относительно поста въ субботу; и только ко времени VI вселенскаго собора опредѣлился обычай поститься во всѣ дни субботніе. Поэтому отцы этого собора постановили правило противъ поста въ субботу въ римской церкви, какъ несогласнаго съ постановленіемъ апостоловъ. Поелику мы увидали, яко обитающіе во градѣ Римѣ, во св. четыредесятницу, въ субботы ея постятся, вопреки преданному церковному послѣдованію: то св. собору угодно да и въ римской церкви не нарушимо соблюдается правило (55 пр.).

При разсмотрѣніи этого обличенія нельзя не видѣть напряженнаго усилія составителя изложенія, съ которымъ онъ старается подвести латинянъ подъ категорію такихъ лицъ, которые или вовсе не имѣютъ у себя крещенія, или же имѣютъ крещеніе неправильное, и потому должны быть снова крещаемы. Этимъ напряженнымъ усиліемъ, и только имъ однимъ, можно объяснить себѣ тѣ странныя противорѣчія, въ которыя впадаетъ составитель, то непослѣдовательное теченіе мыслей, взаимно уничтожающихъ одна другую, а потому и разбирающихъ составъ цѣлаго обличенія въ пунктѣ о постѣ, которое поражаетъ каждаго при взглядѣ на весь составъ обличенія. Обличая латинянъ за постъ въ субботу, составитель изложенія говоритъ, что они постятся вмѣстѣ съ жидами—жидове убо постятся. Кому неизвѣстно, что по ветхозавѣтному закону, данному іудеямъ чрезъ Моисея, субботній день долженъ быть посвященъ Богу, составлять одинъ изъ праздниковъ іудейскихъ. Іудеи даже дальше самой заповѣди ушли въ своей жизни, въ своей практикѣ, они, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ, посвящаемыхъ на молитву, остальное время проводятъ въ совершенной недѣятельности—

праздности, считая оскорбительнымъ для субботняго дня творить дѣла милосердія, они болѣе дѣлаютъ, чѣмъ празднуютъ. Нельзя представить, чтобы этого не зналъ составитель соборнаго изложенія,—и дѣйствительно немного ниже онъ самъ доказалъ свое знаніе относительно этого предмета, когда привелъ 29 правило Лаодикійскаго собора, въ которомъ запрещается христіанамъ жидовски праздновать день субботній. Такимъ образомъ сопоставленіе субботняго поста у латинянъ съ постомъ субботнимъ у евреевъ уничтожаетъ самъ составитель, какъ несопоставимое ни de jure, ни de facto.

Точно такая же судьба постигла и сопоставленіе поста въ субботу у латинянъ съ постомъ у армянъ. Сопоставивши армянъ и латинянъ, постящихся купно во вся субботы, составитель далѣе приводитъ 56 правило Вселенскаго собора, которое обличаетъ армянъ за то, что они не постятся въ субботы св. поста, употребляютъ въ пищу сыръ и яйца. Не понятно какимъ образомъ составитель могъ допустить такія крайнія противорѣчія, и на какомъ основаніи слово „клирикъ", поставленное въ правилѣ, замѣнилъ словомъ „причетникъ". Въ правилахъ собора и вообще на церковномъ языкѣ слово клиръ обнимаетъ собою весь составъ лицъ служащихъ при извѣстной церкви, а не однихъ только причетниковъ.

Мы видѣли на сколько основательны сопоставленія, дѣлаемыя составителемъ, посмотримъ теперь, какое онъ вывелъ заключеніе относительно латинянъ изъ взаимно уничтожающихъ себя положеній. „Такъ какъ съ армянами и жидами латиняне постятся въ субботу, то приходящихъ отъ нихъ къ православной вѣрѣ нужно совершенно крестить, понеже еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе". Въ заключеніе можно сказать, что основательно въ этомъ отдѣлѣ только то, что латиняне постятся въ субботу, и что еретическое крещеніе не есть крещеніе. Но какимъ образомъ постъ, установленный въ субботу, уничтожаетъ законность крещенія латинской церкви, и почему крещеніе ихъ еретическое—это остается прикрытымъ для насъ неизвѣстностію [1]).

---

[1]) Выше былъ уже сдѣланъ краткій обзоръ крещенія повторяемаго и неповторяемаго, а потому теперь не считаемъ нужнымъ раскрывать законность ла

Преслѣдуя прежде составленную цѣль, доказать незаконность крещенія латинской церкви, составитель соборнаго изложенія сопоставляетъ латинскую ересь съ еретиками—пепузянами, валентіанами, манихеями, маркіонитами и друг., приводитъ правила соборовъ и св. отецъ, обличающія этихъ еретиковъ и отвергающія законность ихъ крещенія, и подъ эту же категорію подводитъ и послѣдователей латинской церкви. Прослѣдимъ сначала сущность ересей упомянутыхъ еретиковъ, разберемъ основательность сопоставленій ихъ съ вѣроученіемъ латинской церкви, и обратимъ вниманіе на приговоръ составителя, произнесенный на латинское крещеніе—приговоръ, составленный имъ на основаніи приведенныхъ имъ правилъ.

Пепузяне [1]), фриги упоминаемые составителемъ суть тоже, что и монтанисты. Они были послѣдователи Монтана, еретика 11 вѣка, который выдавалъ себя за обѣтованнаго Духа Утѣшителя, и установилъ для своихъ послѣдователей особое крещеніе—во имя свое и Прискиллы, сопровождавшей его повсюду женщины, въ видѣ пророчицы, чрезъ которую онъ будто бы возвѣщалъ свои горнія откровенія. При обращеніи этихъ еретиковъ къ православной вѣрѣ, Лаодикійскій соборъ (прав. 8) постановилъ совершать надъ ними крещеніе, потому что они крестились не во имя Тріѵпостаснаго Божества, а во имя своего Монтана и Прискиллы, и вводили такимъ образомъ совершенно ложное и нелѣпое крещеніе, и въ самомъ основаніи повреждали, какъ догматы православной вѣры, такъ и таинства крещенія.

Манихеи признавали два начала въ мірѣ—доброе и злое,—изъ которыхъ первое сотворило свѣтъ, а другое тьму; Бога признавали виновникомъ зла, признавали также переселеніе душъ по смерти, - относительно Лица Богочеловѣка учили, что Онъ какъ тѣло имѣлъ призрачное, такъ и страданія и смерть Его были призрачные, а недѣйствительные. Считая

тинскаго крещенія, а равно и того, что условіе представленное составителемъ какъ уничтожающее силу таинства, нисколько не уничтожаетъ его. Точно также будемъ поступать и далѣе во избѣжаніе повтореній.

[1]) Пепузянами называются они отъ имени главнаго города ихъ, который они именовали Іерусалимомъ. Фригами называются потому, что секта эта главнымъ образомъ распространилась во фригійской области.

тѣло произведенiемъ князя тьмы, они предписывали всячески изнурять его, чрезъ воздержанiе отъ мяса, вина и брака. Основатель ихъ ученiя, равно какъ и преемники его причащали своихъ послѣдователей подъ однимъ видомъ хлѣба, на томъ основанiи, что вино можетъ служить удовольствiемъ для принимающаго, по ихъ принципу должно удаляться отъ всѣхъ удовольствiй; отвергали ветхiй завѣтъ, считая его произведенiемъ князя тьмы. Эта секта имѣла происхожденiе языческое и совершенно отвергала основный догматъ христiанства, а потому и присоединяли послѣдователей ея къ православiю не иначе какъ по совершенiи надъ ними крещенiя. Къ одной съ ними категорiи можно отнести и валентинiанъ, какъ по началу происхожденiя этой ереси изъ языческой гностической философiи, такъ и по сущности самаго ученiя. Они думали, что Христосъ имѣлъ какое-то эѳирное тѣло и родился отъ Дѣвы ничего не занявъ отъ нея, — въ Своей плоти; отвергали св. Писанiе, воскресенiе мертвыхъ и проч.

Маркiониты допускали въ мiрѣ три начала и трeбожiе, крестили въ три троицы, считали сотворенiе мiра зломъ и т. п. Такъ какъ и въ этомъ ученiи, какъ и въ другихъ прежде изложенныхъ, извращается сущность христiанскаго ученiя и слѣдовательно уничтожается сущность таинства крещенiя, то правила соборовъ повелѣваютъ принимать ихъ не иначе, какъ по совершенiи надъ ними крещенiя, принимать ихъ какъ язычниковъ, потому что сущность ихъ ученiя въ своемъ принципѣ тождественна.

Рѣшившись подвести латинянъ подъ одну категорiю съ монтанистами, составитель изложенiя опускаетъ изъ виду главную ересь монтанистовъ, а беретъ въ соображенiе частное заблужденiе послѣдователей этой секты, останавливается на этомъ частномъ заблужденiи, котораго соборъ не имѣлъ въ виду, составляя опредѣленiе о крещенiи еретиковъ, находитъ соотношенiе между заблужденiями и произноситъ равносильный для тѣхъ и другихъ приговоръ. Слѣдуя своему неизмѣнному правилу, въ основанiе своего заблужденiя поставлять правило св. апостолъ или соборное, и потомъ уже quasi на основанiи этого правила произноситъ приговоръ, составитель беретъ въ основанiе 8-е правило Лаодикiйскаго

собора: „обращающихся отъ ереси такъ называемыхъ фриговъ, хотя бы и находились въ мнимомъ у нихъ клирѣ, и величайшими именовались, со всякимъ тщаніемъ оглашати и крестити епископамъ и пресвитерамъ церкви". Для того, чтобъ приложить это правило къ латинянамъ, составитель изложенія перечисляетъ заблужденія поименованныхъ еретиковъ, и въ числѣ другихъ заблужденій упоминаетъ и то, что они браки разрушаша. Въ мысли составителя заключается большій смыслъ, чѣмъ какой должно видѣть въ ереси. Монтанъ и его послѣдователи не допускали собственно втораго брака, какъ несвойственнаго и несогласнаго съ идеею христіанской чистоты (Церк. ист. Иннок., т. I, стр. 62), а не совершенно отвергали бракъ, какъ можно думать на основаніи словъ составителя соборнаго изложенія—браки разрушаша. Относительно пункта, поставленнаго патріархомъ Филаретомъ, что еретики эти развратили Пасху, можно полагать, что онъ смѣшалъ въ одно монтанистовъ и четыренадесятниковъ (τεσσαρα δεκατῖται), которые дѣйствительно отличались отъ православной церкви временемъ празднованія Пасхи, отправляя оную въ одно время съ іудеями, въ 14-й день мѣсяца Нисана, или мартовской луны, и о которыхъ упоминается въ 7 правилѣ того же собора. Трудно объяснить, на какомъ основаніи составитель соборнаго изложенія привнесъ въ ученіе монтанистовъ пунктъ смѣшенія ими трехъ Лицъ Пресвятыя Троицы въ одно,– три составы единосущнаго Божества, воедино смѣшая совокупи Лице,—извѣстно, что Монтанъ не касался въ своемъ заблужденіи ни догмата о Пресвятой Троицѣ, ни ученія о сотвореніи міра [1]). Нельзя думать, что онъ вывелъ этотъ пунктъ изъ того, что монтанистовъ соборъ повелѣлъ перекрещивать, какъ неправильно крещенныхъ,— это было бы несогласно съ его принципомъ, что должно крестить всякаго еретика, не обращая вниманія на то, правильно или не правильно совершено надъ нимъ крещеніе, законно или не законно; при томъ же соборъ имѣлъ въ виду при этомъ то, что еретики эти крестились не во имя кого-либо изъ Лицъ Пресвятой Троицы, или единаго Божества, какъ думаетъ составитель, но во имя Мон-

[1]) Церк. Ист. Иннок. стр. 62, т. I.

тана, основателя ихъ секты, и Присциллы, его спутницы. Такимъ образомъ ни въ ученіи еретиковъ, ни въ основаніи неправильности крещенія, представляемаго отцами церкви, ихъ составитель изложенія не можетъ найдти подтвержденія въ пользу навязаннаго имъ ученія послѣдователямъ Монтана.

Выше было замѣчено, что составитель соборнаго изложенія рѣшился сопоставить ересь церкви латинской съ ересью монтанистовъ и теперь мы можемъ фактически провѣрить это положеніе. Для того, чтобы имѣть право сказать, что латиняне мудрствуютъ и дѣйствуютъ согласно съ Монтаномъ, нужно брать во вниманіе все ученіе, какъ тѣхъ, такъ и другаго, или, по крайней мѣрѣ, сущность главнаго заблужденія, по которой послѣдователи Монтана настолько удаляются отъ названія христіанъ, что могутъ быть отнесены скорѣе, какъ дѣйствительно и отнесены, къ категоріи язычниковъ, такъ какъ они совершенно извратили христіанское ученіе и привнесли въ свое догматическое ученіе отличительный элементъ язычества, возвысивши основателя своей секты до того, что во имя его крестились, какъ Параклита. И если сущность ученія будетъ сходна, тогда мы вправѣ подвести ихъ подъ категорію единомудрствующихъ и единодѣйствующихъ. Но составитель соборнаго изложенія оставилъ въ сторонѣ это логическое требованіе и старается только о томъ, чтобы найдти какое-нибудь сходство между сопоставляемымъ и произнести осужденіе на менѣе виновныхъ такое же, какое прежде произнесено было надъ такими лицами, которыя сами себя осудили своимъ ученіемъ и своими дѣлами. Оставляя такимъ образомъ въ сторонѣ сущность монтанова ученія, что необходимо нужно было имѣть въ виду, составитель беретъ во вниманіе частныя заблужденія и въ нихъ находитъ сходство, — сюда относится ученіе о безбрачіи священнослужителей и времени празднованія Пасхи.

Православная восточная церковь относительно брака для священнослужителей всегда слѣдовала слѣдующему правилу. Допуская въ клиръ безбрачныхъ, она совершенно запрещала имъ вступать въ бракъ послѣ рукоположенія; но никогда не требовала отъ священнослужителей безбрачія, какъ обязанности соединенной съ ихъ званіемъ, или какъ обѣта; и по-

тому не только не запрещала имъ вступать въ законный бракъ прежде рукоположенія, но, и возводя женатыхъ, не требовала расторженія супружества. Римская церковь до IV вѣка слѣдовала тѣмъ же правиламъ,—но съ этого времени правила ся требуютъ уже совершеннаго воздержанія отъ супружества отъ священнослужителей. Но ослабленіе нравовъ въ тѣ времена не могло выдержать такой строгости правилъ, и во всѣхъ западныхъ государствахъ, даже въ самомъ Римѣ, многіе священнослужители, вступившіе въ бракъ еще до посвященія, оставались съ своими женами; нерѣдки были даже примѣры и незаконнаго сожительства священнослужителей. Это заставило папу Григорія VII принять строжайшія мѣры и онъ повелѣлъ подвергать отлученію отъ церкви не только женатыхъ священнослужителей, но и тѣхъ изъ мірянъ, которые исповѣдывались у такихъ священнослужителей и пріобщались св. таинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ недѣйствительность браковъ духовныхъ лицъ признана была и въ гражданскомъ отношеніи. Относительно такихъ постановленій римской церкви должно замѣтить: 1) ни важность сана не унижается законнымъ супружествомъ, ни святость служенія, совершаемаго въ этомъ санѣ, не оскорбляется бракомъ, составляющимъ также таинство; 2) не представляютъ эти правила и особенной пользы для лицъ духовныхъ: ибо одно отрицательное, такъ сказать, состояніе безбрачія, безъ другихъ положительныхъ правилъ, необходимыхъ для всей чистоты дѣвства, какія наприм. видимъ въ иночествѣ, словомъ сказать, безъ полнаго отреченія отъ міра, не можетъ утвердить эти лица въ совершенствѣ цѣломудрія и недостаточно ограждаетъ ихъ отъ искушеній и паденій, какъ показало приложеніе къ практикѣ этихъ правилъ; 3) не совсѣмъ соотвѣтствуетъ и назначенію служителя церкви; ибо особенныя отношенія приходскихъ священнослужителей къ мірянамъ, въ исполненіи духовныхъ требъ, въ духовномъ сужденіи ихъ совѣсти и нравственныхъ дѣлъ и нерѣдко и въ пастырскомъ участіи, въ ихъ дѣлахъ житейскихъ и семейныхъ, поставляютъ священнослужителей въ такой близости къ міру, что для нихъ прилична болѣе жизнь семейная; 4) хотя духовное званіе въ римской церкви, какъ и въ другихъ, представляется доброгольному избранію желающихъ; все же безбрачіе не для

всѣхъ можетъ быть вмѣстимо по естественнымъ немощамъ человѣческимъ. А потому особенно предосудительно въ римской церкви то, что она потребовала уже не добровольнаго, а насильственнаго расторженія супружества, вопреки ученію евангельскому и апостольскому. Мы видѣли неосновательность правилъ римской церкви, относительно безбрачія священнослужителей, знаемъ опредѣленія соборовъ противъ этого обычая, опредѣленія отлучающія отъ церкви лицъ, поступающихъ противъ узаконеній апостоловъ и св. отецъ; но долгъ справедливости требуетъ замѣтить неосновательность сопоставленія римской церкви въ этомъ пунктѣ съ послѣдователями Монтана. Возмемъ сопоставленіе это въ томъ смыслѣ, какъ оно сдѣлано составителемъ соборнаго изложенія и мы увидимъ, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ въ этомъ пунктѣ. Сказавши о послѣдователяхъ Монтана, что они „мужи съ женами раздѣлятися повелѣваше" [1]), составитель продолжаетъ: „а римляне попамъ своимъ женитися не повелѣваютъ, и симъ чистыя законы брачныя и ложа нескверныя разрушаютъ"; Монтанъ и его послѣдователи разрушая бракъ, чрезъ это уничтожаютъ самое таинство, какъ таинство, считая его несвойственнымъ чистотѣ христіанскаго ученія и христіанской жизни; а римская церковь вообще бракъ признаетъ какъ таинство, но только воспрещаетъ бракъ священнослужителямъ, по высокому воззрѣнію на это служеніе и его обязанности, слѣдовательно она прикрывается благовиднымъ предлогомъ. Воззрѣніе же Монтана, должно думать, беретъ свое начало въ гностическомъ воззрѣніи, выработанномъ послѣдователями и приверженцами александрійской философіи, на тѣло и вообще на всю видимую природу, какъ на произведеніе злаго духа. Даже помимо этого воззрѣнія оно вноситъ въ духъ христіанскаго ученія ригоризмъ, требующій обязательной аскетической жизни, не обращая вниманія на то, сродно ли природѣ опредѣленнаго субъекта такое требованіе, и всякій ли можетъ вмѣстить въ себѣ то, что не всѣ могутъ вмѣщать по свидѣ-

---

[1]) Насколько вѣрно это положеніе составителя выше было замѣчено. Теперь мы будемъ слѣдовать его словамъ и изъ нихъ выведемъ неестественность сопоставленія.

тельству любвеобильнаго ученія, проникнутаго снисходительностію къ человѣческой природѣ вообще. Выше было замѣчено, что, для того, чтобы сопоставлять что нибудь и съ чѣмъ нибудь, нужно, чтобъ признаки сопоставляемаго были совершенно тождественны, иначе не будетъ логической вѣрности въ выводѣ,—составитель же соборнаго изложенія измѣнилъ этому раціональному требованію, и соприкасающееся одною стороною поставилъ какъ совершенно тождественное, лишь бы только остаться вѣрнымъ своему воззрѣнію на латинянъ, какъ на единомудрствующихъ и единодѣйствующихъ съ Монтаномъ.

Теперь обратимъ вниманіе на то, какъ нужно смотрѣть на обличеніе составителя соборнаго изложенія—„и попы ихъ будто для чистоты не женятся, а блудницы держатъ и съ ними убо тайно блудъ творятъ и въ семъ грѣха себѣ не ставятъ [1]“. Какъ обличеніе вообще, какъ фактическій протестъ противъ установленія римской церкви о безбрачіи священнослужителей, обличеніе это имѣетъ смыслъ и законно,—но если взять во вниманіе то, что составитель соборнаго изложенія разсуждаетъ о церкви римской вообще, разбираетъ ея заблужденія съ тѣмъ, чтобы доказать незаконность крещенія латинской церкви, какъ еретическаго, то, думаемъ, онъ не имѣлъ права частные недостатки частныхъ лицъ, недостатки слабости природы человѣческой, ставить въ вину цѣлому обществу, тѣмъ болѣе въ вину церкви. Изъ словъ составителя можно заключать, будто бы этотъ грубый недостатокъ священниковъ находитъ себѣ опору и оправданіе въ каноническихъ постановленіяхъ римской церкви, какъ недостатокъ принятый за норму жизни, освященный каноническими постановленіями, — „и въ семъ грѣха себѣ не ставятъ“. Но каноническія постановленія римской церкви ясно обличаютъ и отвергаютъ такое нареканіе на нихъ. Мы

[1]) Такъ какъ составитель сопоставляетъ здѣсь заблужденія латинской церкви съ ересью Монтана, говоритъ о нихъ какъ о единомудрствующихъ и единодѣйствующихъ, то, думаю, не будетъ ошибки предположить что составитель изложенія вывелъ этотъ недостатокъ римской церкви какъ соотвѣтствующій тому факту, что самъ Монтанъ имѣлъ при себѣ двухъ женщинъ Прискиллу и Максимиллу, не будучи связанъ ни съ одною изъ нихъ законными узами брака и по словамъ составителя—блудъ съ ними творяше

видѣли, что стараніемъ папы Григорія VII священнослужители даже прежде рукоположенія вступившіе въ бракъ обязаны были разводиться съ своими женами, иначе имъ угрожала опасность лишиться священнаго сана и быть отлученными отъ церкви. Если же въ римской церкви отвергался и отвергается законный бракъ священнослужителей — таинство, какъ несогласный съ чистотою и важностію священнаго сана, то на какомъ основаніи составитель возводитъ это обвиненіе на церковь, поставляетъ его въ ряду ересей? Странно! Изъ того, что между членами извѣстнаго общества существуютъ пороки, еще не слѣдуетъ заключать, что пороки эти приняты за норму жизни вообще всѣмъ обществомъ, освящены его законами; напротивъ того, несомнѣнно то, что за недостатки частнаго лица не отвѣчаетъ все общество, особенно въ томъ случаѣ, если эти преступленія неизвѣстны самому обществу. А эти преступленія правилъ священниками латинской церкви самъ же составитель называетъ тайными, — „и съ ними убо тайно блудъ творяше“.

Выставляя обвинительный пунктъ противъ латинской церкви относительно времени празднованія Пасхи, составитель соборнаго изложенія въ обвиненіе ихъ говоритъ то, что Пасха ихъ часто сходится съ временемъ Пасхи жидовской, что противно правиламъ апостольскому и соборнымъ. Евреи по закону Моисееву должны были праздновать Пасху въ 14-й день мѣсяца Нисана. Не соображая въ точности луннаго счисленія (по которому они вели свое годовое счисленіе), которое совершаетъ свои обороты гораздо скорѣе оборотовъ солнечныхъ, евреи иногда праздновали Пасху дважды въ одномъ году; на эту неправильность есть указаніе въ апостольскомъ правилѣ, которое предохраняетъ христіанскую Пасху отъ такой несообразности. Въ первые вѣка христіанства въ разныхъ христіанскихъ церквахъ праздновали различно. Такое несогласіе не нарушало хотя единства вѣры, но производило нѣкоторое раздѣленіе въ духѣ обществъ и въ быту церковномъ, — одни изъ христіанскихъ обществъ начинали уже праздновать Пасху, тогда какъ другіе постились. Наконецъ это разногласіе начало производить соблазны, затрудненія въ самомъ общеніи христіанскихъ церквей между

собою и обратилось въ открытые споры. Поэтому и во избѣжаніе этого Никейскій Вселенскій соборъ занялся между прочимъ и рѣшеніемъ вопроса о времени празднованія Пасхи, и положилъ одинъ опредѣленный срокъ для празднованія Пасхи во всѣхъ христіанскихъ обществахъ,—первый воскресный день послѣ полнолунія, бывающаго въ весеннее равноденствіе или послѣ него. Всѣхъ же неповинующихся постановленію собора постановлено отлучать отъ церкви. Сущность представленнаго обвиненія состоитъ только въ томъ, что латинская церковь является въ этомъ случаѣ непослушною опредѣленіямъ собора, но это обвиненіе не содержитъ въ себѣ данныхъ къ тому заключенію, какое вывелъ изъ него составитель. Ясное дѣло, — онъ старался только набрать какъ можно болѣе пунктовъ въ разногласіяхъ латинской церкви, за которые правила соборовъ повелѣваютъ отлучать отъ церкви, и на основаніи только отлученія произносилъ свое сужденіе. Если изъ правилъ апостольскаго и соборныхъ выводить такое заключеніе, какое вывелъ составитель соборнаго изложенія, то нужно предположить, что въ словѣ правилъ—да будетъ изверженъ, заключается отрицаніе всего христіанскаго въ ученіи и практикѣ тѣхъ, которые подвергаются соборному церковному отлученію, но смыслъ слова „да будетъ изверженъ“ не содержитъ въ себѣ такого понятія; не смотря на то, что слово это употреблялось какъ приговоръ относительно всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ, но въ приложеніи къ нимъ оно не имѣло равносильнаго значенія. Въ отношеніи первыхъ оно имѣло свое значеніе во всемъ своемъ обширномъ значеніи, отвергало ихъ отъ себя, какъ неимѣющихъ съ церковію ничего общаго по сущности ученія, отрицало отъ нихъ самое названіе христіанъ, какъ исказившихъ сущность христіанскаго ученія; въ отношеніи вторыхъ оно выражало свою строгость въ меньшей степени, признавало ихъ какъ христіанъ и отлучало отъ себя какъ ослушниковъ. Смыслъ этихъ отлученій былъ не отрицающій ихъ достоинства христіанскаго, но только врачующій ихъ отъ ихъ душевныхъ болѣзней. Отлученіе произносилось не съ тѣмъ, чтобы радикально вырѣзать ихъ изъ нѣдръ церкви, но съ тѣмъ, чтобы они возчувствовали свое одиночество внѣ общенія съ церковію, со

знали свою неправоту въ дѣлѣ преслушанія церковныхъ повелѣній, и обратились снова въ нѣдра церкви, отбросивъ отъ себя духъ своеволія, духъ преслушанія. Изъ этого не тождезначущаго, а относительнаго употребленія слова нельзя выводить равносильнаго заключенія, но должно слѣдить за сущностію самаго ученія и на однихъ отлученныхъ смотрѣть какъ на не христіанъ, а на другихъ какъ на христіанъ. Это разграниченіе дѣлается въ первомъ правилѣ св. Василія Великаго, которое цитуетъ самъ составитель соборнаго изложенія въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что должно перекрещивать латинянъ, обращающихся къ православію. Сущность и особенность правила заключается въ томъ, что въ немъ объясняются разныя степени уклоненія отъ православія, откуда происходитъ и самая разность въ принятіи обращающихся къ церкви. Ересью должно называть, по словамъ Василія Великаго, такое лжеученіе, которое извращаетъ догматы вѣры, самыя основанія вѣры и тѣмъ совершенно отдѣляетъ своихъ послѣдователей отъ православной церкви; расколомъ называется такое лжеученіе, которое вводитъ раздѣленіе въ какихъ либо частныхъ пунктахъ церковной практики, не нанося ущерба правотѣ самой вѣры. Въ примѣръ раскольниковъ св. Василій представляетъ наватіанъ, которые думали, что противно святости церкви допускать второй бракъ и принимать чрезъ покаяніе отпадшихъ отъ церкви: и такъ какъ въ заблужденіи своемъ они не касались основныхъ догматовъ христіанства, то св. Василій признаетъ законность ихъ крещенія, которое, поэтому, на слѣдуетъ повторять надъ вновь обращающимся. Въ примѣръ еретиковъ преоставляетъ онъ—манихеевъ, валентиніанъ, маркіонитовъ, и отвергаетъ законность ихъ крещенія, не потому впрочемъ, какъ заключаетъ составитель соборнаго изложенія, что они развращали Пасху, или расторгали бракъ, но потому, что они повредили христіанство въ самомъ основаніи, привнесли въ свое вѣроученіе несообразности, и потому не имѣли истиннаго крещенія по сущности, не имѣли даже законныхъ совершителей таинствъ; потому, что отторженные отъ церкви, сдѣлавшись міряанами, они не имѣли власти ни крестить, ни рукополагать,—не могли преподать другимъ благодать св. Духа, почему приходящихъ отъ нихъ, и отъ кре-

щенныхъ мірянами древніе повелѣвали вновь очищать истиннымъ крещеніемъ. Такимъ образомъ правило св. Василія Великаго, цитуемое составителемъ соборнаго изложенія въ оправданіе своего мнѣнія о перекрещиваніи латинянъ, не только не оправдываетъ его, но еще прямо обличаетъ. Въ правилѣ строго повелѣвается разграничивать то, какое крещеніе должно признавать истиннымъ и какое отвергать и заповѣдуется перекрещивать только тѣхъ, которые не имѣли истиннаго крещенія, — а не всѣхъ отлученныхъ отъ церкви; а составитель соборнаго изложенія выводитъ изъ него то заключеніе, что перекрещивать должно всѣхъ, кого только можно, и должно отлучать отъ церкви, не обращая вниманія на то, въ чемъ собственно заключается вина отлученныхъ отъ церкви. Болѣе, повидимому, основанія имѣлъ составитель опираться на 47 правило того же святителя, гдѣ онъ повелѣвалъ принимать чрезъ перекрещиваніе еккратитовъ, саккофоровъ, апотактитовъ,—такихъ еретиковъ, которые не отвергали и не извращали догматовъ вѣры, и разногласили только въ ученіи о церковной практикѣ,—именно относительно пищи, относительно удовольствій и проч. на томъ основаніи, что онъ видѣлъ у нихъ отрасль ереси маркіонитской;—но и это правило не оправдываетъ его, потому что самъ Василій Великій замѣчаетъ, что поступать такъ принято было не во всѣхъ церквахъ; а послѣднія слова святаго показываютъ, что онъ не выдавалъ этого за положительное правило, предоставляя рѣшеніе вопроса соборамъ. Соборы какъ вселенскіе, такъ и помѣстные опредѣлили еккратировъ и новатіанъ и подобныхъ имъ не перекрещивать, а только помазывать св. мvромъ (II Всел. прав. 7, VI. Всел. 95, Лаод. 7). Ясное дѣло, что христіане и составитель изложенія должны были слѣдовать соборнымъ опредѣленіямъ, какъ окончательному выводу изъ частныхъ мнѣній, а не частному мнѣнію, предложенному только на разсмотрѣніе. Отселѣ выходитъ, что основаніе представленное имъ слишкомъ шатко и падаетъ предъ болѣе прочными. Окончательное заключеніе можно сдѣлать то, что составитель рѣшился пользоваться каждымъ случаемъ, каждымъ древнимъ постановленіемъ, лишь бы только поставить крѣпкій оплотъ въ защиту своего воззрѣнія, не соображая того, что этотъ оплотъ

разрушается самъ собою, какъ скоро будетъ сдѣлано сопоставленіе—въ немъ же заключающихся оснований, и что эти основанія прямо подрываютъ мнѣніе его, свидѣтельствуютъ о томъ, что не должно вновь крестить приходящихъ отъ латинской церкви, какъ имѣющихъ истинное крещеніе, не говоримъ уже о томъ, что они не даютъ права смотрѣть на него какъ на еретическое, какъ на оскверненіе, а не крещеніе.

Окончивши сопоставленіе ереси латинской церкви съ ересью монтанистовъ, составитель соборнаго изложенія, слѣдуя своему основному принципу, что у латинянъ нашли себѣ пристанище всѣ ереси, какія когда либо существовали, что вѣроученіе ихъ есть ни болѣе ни менѣе какъ коллективное вѣроученіе древнихъ еретиковъ, переходитъ къ ереси манихейской; находитъ тождество между ученіемъ тѣхъ и другихъ и произноситъ приговоръ надъ латинянами, равносильный тому, какой произнесенъ былъ отцами собора надъ еретиками, послѣдователями манихейской ереси. За основаніе онъ принимаетъ здѣсь 95-е правило шестаго Вселенскаго собора, въ которомъ послѣдовательно перечисляются еретики, не имѣющіе у себя правильнаго крещенія, и потому могли вступать въ общество православной церкви неиначе какъ если совершено будетъ надъ ними крещеніе. Представивши это правило, какъ основаніе своего воззрѣнія, составитель представляетъ свое соображеніе,— „если павликіанъ, евноміанъ, монтанистовъ, савеліанъ и манихеевъ, валентиніанъ и маркіонитовъ и подобныхъ имъ еретиковъ соборныя правила повелѣваютъ принимать чрезъ совершеніе надъ ними крещенія, то и римлянъ должно принимать точно также“. Одни изъ поименованныхъ въ правилѣ еретиковъ соединяли всѣ три Лица Пресвятыя Троицы въ одно,—а три Лица, не что иное, какъ только три различныя наименованія, по ихъ понятію,—три различныя проявленія одного и того же Лица, одной и той же сущности; а потому и крестились вообще во имя одного Лица—Бога. Другіе хотя и не касались ученія о Троичности, но привносили въ этотъ догматъ элементы языческой александрійской философіи, представляя Бога виновникомъ зла, видимую природу и человѣческій организмъ почитая произведеніемъ діавола. Вообще въ основаніи ихъ

ученія лежала языческая теологія и космологія, они чужды были христіанства вообще, не имѣли у себя законныхъ совершителей таинства; наконецъ нѣкоторые изъ нихъ совершали крещеніе надъ своими послѣдователями въ свое имя, какъ наприм. монтанисты и тѣмъ самымъ профанировали таинство. Такъ какъ всѣ они повреждали догматы христіанства, то отцы соборовъ повелѣли совершать надъ ними крещеніе, какъ и надъ еллинами. Послѣдніе хотя и не имѣли у себя совершенно никакого крещенія, но это нисколько не унижало ихъ въ сравненіи съ поименованными еретиками, потому что сущность и сила крещенія какъ таинства есть необходимая и неотъемлемая принадлежность таинства, установленнаго Самимъ Основателемъ христіанскаго ученія,—крещенія законнаго; всякое же другое крещеніе не имѣетъ за собою никакихъ достоинствъ—есть одинъ обрядъ пустой не имѣющій никакой таинственной силы. Изъ обозрѣнія вѣроученія латинской церкви мы знаемъ, что вѣроученіе ея не имѣетъ совершенно ничего сходнаго съ лжеученіями еретиковъ,—слѣдовательно и нельзя подводить ихъ подъ одну категорію, считать крещеніе первыхъ равнозначущимъ съ послѣднимъ т. е. не имѣющимъ никакого значенія,—на это нельзя найти никакихъ основаній. Любопытно прослѣдить, какія основанія представляетъ составитель соборнаго изложенія, сопоставляя латинянъ съ послѣдователями манихейской ереси и отвергая крещеніе первыхъ. Ознакомившись съ ученіемъ манихеевъ, составитель видѣлъ, что они въ мірѣ допускаютъ два начала, признаютъ существованіе въ мірѣ какой-то свѣтлой одушевленной матеріи, имѣющей большое значеніе и большое вліяніе вообще на человѣка,—слѣдуя своему рѣшенію, что такія уже или подобныя заблужденія должны быть или, покрайней мѣрѣ, должны быть найдены у латинянъ, онъ слѣдитъ не только за догматическимъ ученіемъ ихъ, но и за практическимъ и даже за самою жизнію послѣднихъ и проявленіями ея умственаго развитія, и суевѣріями существующими еще въ народной массѣ и все это поставляетъ въ вину церкви, какъ доказательство незаконности совершаемаго въ ней крещенія. Не надѣясь сколько нибудь найти сопоставленія между догматическимъ ученіемъ, и преслѣдуя тотъ принципъ, что такое сопоставленіе нужно

найти, составитель проходитъ молчаніемъ догматическое ученіе, тогда какъ только его, и исключительно его, тождество или противорѣчіе даютъ право судить о истинности крещенія.

Слѣдя за умственнымъ развитіемъ римскаго народа, составитель находитъ, что одною изъ сферъ ученой дѣятельности были астрологическія изслѣдованія,—онъ берется за этотъ пунктъ и начало его находитъ въ ереси манихейской, говоритъ, что съ такими изслѣдованіями необходимо соединяется уваженіе къ предмету изслѣдованія, какъ къ Божественному, и что эти изслѣдованія не обходятся безъ волшебства, что имъ занимаются латиняне, и по нему опредѣляютъ судьбу человѣка, поставляя ее въ зависимость безусловную отъ звѣзднаго теченія и вообще отъ движенія всей солнечной системы. Нѣтъ нужды говорить о произвольномъ сопоставленіи составителя соборнаго изложенія астрологическихъ изслѣдованій римскихъ ученыхъ съ воззрѣніемъ манихейскаго ученія, а равно и о томъ, что эти изслѣдованія не имѣютъ никакого отношенія къ вѣроученію латинской церкви и не уничтожаютъ совершаемыхъ въ этой церкви таинствъ. Это ясно само по себѣ, и своею очевидностію протестуетъ противъ составителя изложенія. Еще произвольнѣе то мнѣніе составителя, будто бы по ученію римской церкви судьба каждаго человѣка опредѣляется и находится въ безусловной зависимости не отъ Бога, а отъ звѣздной и солнечной системы; это до того произвольно мнѣніе, что составитель въ немъ представляется ратующимъ какъ бы противъ собственнаго же мнѣнія. Думаемъ, что такія понятія камбинировались у него подъ вліяніемъ того факта, что по астрологическимъ изслѣдованіямъ найдено непосредственное соотношеніе между всѣми планетами, которыя взаимно вліяютъ одна на другую и тѣмъ сохраняютъ свое нормальное теченіе. Ясное дѣло, если нарушится нормальное теченіе въ системѣ всѣхъ планетъ, то каждая своею ненормальностію можетъ привнести ненормальность въ непосредственно соединенную съ ней, можетъ вредоносно подѣйствовать какъ на самую планету, такъ и на все находящееся на ней; а потому можно сказать, что движеніе небесныхъ планетъ имѣетъ посредственное значеніе

въ отношеніи къ человѣку, не въ томъ смыслѣ, что такія планеты сами по себѣ относятся къ человѣку и поставляютъ его въ зависимость отъ себя, но въ томъ, что по предустановленнымъ законамъ всѣ планеты находятся между собою въ непосредственной связи, совокупно совершаютъ свое теченіе по установленному Богомъ закону, и этою своею тѣсною взаимностію опредѣляютъ такое или иное взаимное положеніе. Что касается до мысли, высказанной составителемъ, будто бы при этихъ изслѣдованіяхъ у латинянъ не обходится дѣло безъ волшебства, то это есть ни болѣе ни менѣе какъ взглядъ средневѣковой образованности, отжившій уже свое значеніе въ западной Европѣ, и перешедшій наконецъ къ намъ въ Россію,—взглядъ, по которому прогрессивное движеніе науки и новые выводы и изслѣдованія считались противными христіанскому вѣроученію, и считались за открытія, совершенныя при помощи злаго духа.

Кромѣ сходства латинскаго ученія съ манихейскимъ, найденнаго составителемъ въ астрономическихъ изслѣдованіяхъ, онъ находитъ еще сходство въ томъ пунктѣ, что въ латинской церкви запрещается бракъ священнослужителямъ, будто на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ отвергается бракъ у манихеевъ. Выше было говорено объ этомъ пунктѣ, показаны разности запрещенія у латинянъ и у еретиковъ, — теперь достаточно сказать, что манихеи отвергаютъ бракъ согласно съ своимъ догматическимъ ученіемъ, признающимъ два начала въ мірѣ — доброе и злое, и все вещественное признавая за произведеніе злаго духа, тогда какъ латинское вѣроученіе чуждо такого антихристіанскаго воззрѣнія; отсюда прямое заключеніе о сопоставленіи, сдѣланномъ составителемъ, какъ о совершенно несопоставимомъ.

Для абсолютнаго униженія вѣроученія латинской церкви, составитель говоритъ о ея послѣдователяхъ, что они „во всемъ согласуются и творятъ равну ересь, якоже и манихеи“, но при дальнѣйшемъ развитіи этой мысли, онъ не находитъ для себя точки опоры въ вѣроученіи латинянъ и потому самъ себя опровергаетъ. Высказавши голословное сужденіе о совершенномъ тождествѣ латинской церкви и ереси манихейской, онъ начинаетъ фактически развивать свое положеніе, гдѣ опровергаетъ самъ прежде высказанное, потому что

приводитъ одинъ только фактъ quasi тождественный, но на самомъ дѣлѣ совершенно противоположнаго начала, именно астрономическія изслѣдованія римскихъ ученыхъ. Объ относительномъ достоинствѣ и важности этого обличенія должно замѣтить, что оно имѣло смыслъ только въ глазахъ самого составителя и его современниковъ—соотечественниковъ, когда свѣтъ науки только еще начиналъ касаться русскаго народа, когда въ числѣ самого духовенства были такіе, которые, какъ говорится, прошедши Псалтирь по складамъ, считали себя людьми достаточно образованными, образованными на столько, чтобъ занять священническое мѣсто. Ясно, что такіе представители образованности не могли понять, какъ можно съ сочувствіемъ относиться къ такимъ сухимъ отвлеченнымъ изслѣдованіямъ, какъ астрономическія, если не будетъ соединено съ этими изслѣдованіями религіознаго представленія, они не могли уяснить себѣ, что между землею и солнечною системою находится взаимное отношеніе, вліяніе. И если имъ случалось слышать о вліяніи планетъ, находящихся на небесномъ горизонтѣ на землю, то легче всего было для нихъ объясненіе, что тутъ дѣло не обошлось безъ волшебства.

Указаніе на суевѣрія послѣдователей латинской церкви— о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ и часахъ и распредѣленіи дѣйствій своихъ, сообразныхъ съ этими раздѣленіями, нисколько не говорятъ въ пользу высказаннаго мнѣнія составителемъ. Суевѣрія,—вообще достояніе всѣхъ народовъ и свидѣтельствуютъ только о низшей степени ихъ развитія, и имѣютъ основаніе свое въ этой меньшей степени образованности. Здѣсь бы долженъ былъ искать составитель причины суевѣрій, и его изслѣдованія увѣнчаться могли успѣхомъ, но ни онъ, ни кто другой не можетъ указать основанія суевѣрій въ вѣроученіи римской церкви, и слѣдовательно не можетъ упрекать церковь въ томъ, что въ народѣ существуютъ суевѣрія, тѣмъ менѣе имѣлъ онъ права на основаніи этого, произнести свое осужденіе на латинскую церковь. Точно также онъ не могъ произнести осужденія на церковь за тотъ безпорядокъ и за тѣ несчастія и бѣдствія, которыя происходили отъ войнъ приверженцевъ католицизма съ другими народами. Это свидѣтельствуетъ только о воинственно-

сти характера народовъ, и происходитъ изъ стремленія прибавить лишній клочекъ земли къ своимъ владѣніямъ, а не отъ астрономическихъ волхвованій, какъ думаетъ составитель и вовсе не свидѣтельствуетъ о незаконности крещенія, совершаемаго въ латинской церкви и о томъ, что должно ихъ перекрещивать. Неосновательность вывода, дѣлаемаго составителемъ очевидна каждому, но еще болѣе неосновательности допустилъ онъ, сказавши, что латинская церковь допускаетъ два начала въ мірѣ, и Бога представляетъ виновникомъ зла. Вѣроученіе латинской церкви ясно протестуетъ противъ этого факта, навязываемаго ей, положительнымъ своимъ ученіемъ о Богѣ, какъ о существѣ высочайшемъ, благомъ, святомъ и проч. единомъ Творцѣ всего существующаго, и обличаетъ его признаніемъ вселенскихъ соборовъ, въ правилахъ которыхъ анаѳематствованы еретики съ такимъ воззрѣніемъ на начало вещей и на причину зла.

Проводя далѣе мысль о незаконности крещенія латинской церкви, какъ еретическаго, составитель останавливается на ереси евноміанъ, сопоставляетъ съ ними латинянъ и произноситъ надъ послѣдними такой же приговоръ, какой былъ произнесенъ отцами собора надъ первыми. Прежде чѣмъ будемъ говорить о возможости сопоставленія, дѣлаемаго составителемъ, замѣтимъ о неправильности составителя, которую онъ допустилъ при исчисленіи заблужденій евноміанъ. Говоря о крещеніи послѣднихъ, онъ передаетъ, что они вмѣсто крещенія возливаютъ на главы своя воду до пояса, между тѣмъ извѣстно, что они крестились въ одно погруженіе—въ смертъ Христову,—это же самое подтверждаетъ и самъ составитель въ своемъ толкованіи на приведенное правило, говоря о нихъ, что они крестятся единымъ погруженіемъ Что касается до 7 правила II вселенскаго собора, (а не 8, какъ поставлено въ соборномъ изложеніи), то сущность содержащагося въ немъ постановленія нисколько не въ пользу говоритъ выводимаго изъ него заключенія составителемъ относительно римскаго крещенія. Въ правилѣ берутся двѣ категоріи еретиковъ и между ними св. отцы собора полагаютъ строгую границу, опредѣляя, какіе изъ нихъ должны быть перекрещеваемы при переходѣ къ православію и какіе нѣтъ. Основаніе они находятъ въ томъ,

что одни изъ нихъ только повреждали, но не совсѣмъ отвергали основные догматы вѣры, другіе совершенно уничтожали ихъ, одни имѣли у себя, по крайней мѣрѣ по образу, или по формѣ, правильное съ православнымъ сходное крещеніе, и не перекрещивали приходившихъ къ нимъ отъ православія; другіе не признавали крещенія таинствомъ, а иные совершенно искажали это таинство и въ сущности и въ формѣ его и установляли у себя свое крещеніе. По этимъ причинамъ одни изъ обращавшихся къ церкви еретиковъ принимаемы были безъ повторенія крещенія, другіе, какъ язычники, оглашались и крестились. Это двоякое разграниченіе признаетъ и самъ составитель въ своемъ толкованіи, потому что онъ беретъ для себя собственно тѣхъ, которые имѣли неправильное крещеніе — „и тіи еретики суть единѣмъ погруженіемъ крещаются, а не тремя якоже правовѣрніи“, и оставляетъ въ сторонѣ ту категорію, гдѣ крещеніе было правильно. Сопоставляя латинское крещеніе съ крещеніемъ евноміанъ, составитель самъ доказываетъ нераціональность такого сопоставленія. Говоря объ евноміанахъ, онъ говоритъ, что они крещаются единѣмъ погруженіемъ, а не тремя, якоже правовѣрніи, почему и не признается законность ихъ крещенія; переходя же къ крещенію латинской церкви, онъ не можетъ указать въ немъ такого недостатка, но берется за другую неправильность въ крещеніи латинской церкви, — именно говоритъ, что латиняне не погружаютъ при крещеніи, а обливаютъ. Такую непослѣдовательность въ сопоставленіи предвидѣлъ самъ составитель, и въ предупрежденіе оной, въ своемъ перечнѣ заблужденій евноміанъ говоритъ, что они вмѣсто крещенія на главы своя возливаютъ воду до пояса. Допустимъ, вмѣстѣ съ составителемъ, что такимъ образомъ совершалось у нихъ крещеніе, то и тогда мы не будемъ имѣть основанія отвергать крещенія латинской церкви, несмотря на формальное сходство крещенія у тѣхъ и другихъ. Крещеніе чрезъ обливаніе, хотя и въ крайнихъ только случаяхъ, допускалось и было употребляемо еще во времена апостольскія, — потомъ въ первенствующія времена церкви Христовой отцы церкви смотрѣли на такое крещеніе какъ на законное и допускали его въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—даже и теперь православная

церковь признаетъ его какъ законное и допускаетъ хотя только въ крайнихъ случаяхъ, какъ напр. для опасно больныхъ, въ случаѣ если не будетъ возможности достать нужное для погруженія количество воды. Допущеніе такого крещенія только въ крайнихъ случаяхъ не даетъ права отвергать его какъ законное, иначе ни апостолы, ни отцы церкви не допускали бы его и въ крайнихъ случаяхъ. Если же отцы церкви признавали законность крещенія совершаемаго чрезъ обливаніе, значитъ, они отвергли евноміанское крещеніе не потому, какъ можно думать изъ сопоставленія составителя, что оно совершалось чрезъ обливаніе, но потому что они крестились единократнымъ погруженіемъ въ смерть Христову.

Остальныя обличенія составителя имѣютъ значеніе только какъ обличенія, даже и въ томъ видѣ, какъ представлены они имъ, но они неимѣютъ совершенно ни какого отношенія къ крещенію, и составитель не могъ ставить ихъ въ посылкѣ, и изъ нихъ выводить заключеніе о не дѣйствительности крещенія латинской церкви. Что касается до обличенія, будто бы римская церковь совершаетъ Богослуженіе вообще на всякомъ мѣстѣ безъ разбора, кромѣ церквей, то оно справедливо только въ отношеніи къ частнымъ богослуженіямъ и даже общественнымъ, но не приложимо въ отношеніи къ приношенію безкровной жертвы.

Для совершенія же Божественной литургіи по законамъ римской церкви устрояются особенные храмы (костелы), — и если иногда допускается совершеніе этого богослуженія въ частныхъ домахъ, то подъ тѣмъ условіемъ, если устроенъ будетъ алтарь, освященный епископомъ или пресвитеромъ. Справедливо то замѣчаніе составителя, что римскіе костелы не подобны церквамъ православнымъ, но это говоритъ только о разности взгляда на внѣшнее благолѣпіе храмовъ, но не имѣетъ никакого отношенія къ крещенію, и не доказываетъ сходства или тождества ученія римской церкви съ ученіемъ евноміанъ, какъ заключаетъ составитель и тако же (какъ въ указанныхъ пунктахъ) во всемъ, яко же евноміане еретичествуютъ".

Въ прежде разсматриваемыхъ сопоставленіяхъ составителя соборнаго изложенія нельзя было не замѣтить, въ какія явныя противорѣчія впадаетъ онъ самому себѣ и какія

несообразности допускаетъ въ выводахъ изъ правилъ соборовъ. Точно также замѣчается въ сопоставленіи ереси латинской съ ересью аріанскою, только здѣсь составитель впадаетъ въ прямое противорѣчіе съ ученіемъ еретиковъ, и въ особенности съ правилами соборовъ. Это знаетъ и самъ составитель, и потому онъ уже не цитируетъ ни одного соборнаго правила, измѣнивши своей тактикѣ, когда говоритъ о томъ, что должно перекрещивать аріанъ, приходящихъ къ православію. При прежнихъ сопоставленіяхъ составитель обыкновенно, исчисливши заблужденія еретиковъ, приводилъ правила св. соборовъ, или св. отецъ и, оградивши себя такимъ твердымъ оплотомъ, начиналъ свое сопоставленіе и произвольное заключеніе; въ настоящемъ же случаѣ онъ не могъ найти ни одного правила въ подтвержденіе своего мнѣнія и говоритъ, что повелѣваютъ вообще правила. Изъ аріанскаго лжеученія онъ беретъ нарушеніе у нихъ поста и неправильное крещеніе,—остановимся на послѣднемъ пунктѣ. Говоря о крещеніи аріанъ, составитель замѣчаетъ, что они крестятъ во едино погруженіе. При разсмотрѣніи правилъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, въ которыхъ подробно излагается ученіе о крещеніи, видно, что не только единократное погруженіе отвергалось, какъ незаконное, но и троекратное; но совершенное не во имя трехъ Лицъ Пресвятыя Троицы, а кого либо одного изъ Лицъ. Кромѣ общаго ученія о томъ, какое крещеніе должно принимать и какое не должно, въ правилахъ соборовъ излагается еще частное изложеніе каждой ереси, съ указаніемъ законности или незаконности крещенія, совершаемаго такими или иными еретиками; но ни въ общемъ, ни въ частномъ изложеніяхъ составитель не можетъ найти подтвержденія своему мнѣнію о крещеніи аріанскомъ. Еслибы аріане крещались единократнымъ погруженіемъ, то отцы собора не преминули бы отнести ихъ къ категоріи тѣхъ еретиковъ, которые имѣютъ у себя неправильное крещеніе и заповѣдали бы ихъ перекрещивать, но св. отцы прямо относятъ ихъ къ категоріи еретиковъ, имѣющихъ правильное крещеніе и положительно запрещаютъ перекрещивать,— 7 прав. II всел. соб. 95 прав. VI всел. соб. и друг.,— указываемъ собственно на эти правила потому, что въ дру-

гихъ мѣстахъ цитуетъ ихъ самъ составитель. Допустивши неправильно, что аріане крещаются во едино погруженіе, составитель точно также поступилъ и въ отношеніи словъ, произносимыхъ при крещеніи. Изъ апологетическихъ и обличительныхъ сочиненій современниковъ аріанской ереси (на прим. Аѳанасія) мы знаемъ, что видимая сторона таинства сохранилась у аріанъ во всей чистотѣ, что они совершали крещеніе во имя Отца и Сына и Св. Духа, а не грядущаго по предтечѣ Иванѣ, сирѣчь Христа Іисуса, какъ говоритъ составитель. Допустимъ, что правильно замѣчено у составителя о аріанскомъ крещеніи, и тогда онъ не можетъ сопоставить, какъ и дѣйствительно не сопоставляетъ крещенія аріанъ и латинянъ. Сказавши, что римляне во всемъ аріанскія ереси хранители и дѣйственницы, онъ тутъ же себя опровергаетъ, потому что не находитъ самаго главнаго сходства, именно въ единокрестномъ погруженіи, но опирается на томъ пунктѣ, что въ римской церкви крещеніе совершается чрезъ обливаніе, а не погруженіе. На сколько резонно это обличеніе, чтобъ отвергать изъ-за него крещеніе латинской церкви, выше было говорено. Теперь достаточно будетъ указать на самообличеніе составителя,— онъ приводитъ 46 апостольское правило и 50 правило апостоловъ, гдѣ говорится, что тотъ епископъ или пресвитеръ долженъ быть изверженъ, кто признаетъ еретическое (т. е. неправильно совершенное, какъ объясняютъ это правила св. соборовъ, а не всякое еретическое; слово еретикъ употреблено здѣсь въ тѣснѣйшемъ смыслѣ) крещеніе, креститъ не въ три погруженія; а въ крещеніи латинской церкви составитель не могъ указать ни того, ни другаго, т. е. она признаетъ и принимаетъ въ своемъ ученіи догматъ о Троичности и совершаетъ крещеніе во имя Трехъ Лицъ. Совершенно нельзя найти никакого основанія для обличенія латинской церкви въ томъ пунктѣ, какъ думаетъ составитель, будто бы она за умершихъ памяти творити не повелѣваетъ. Изъ разсмотрѣнія вѣроученія латинской церкви мы узнаемъ, что она допускаетъ среднее мѣсто, или состояніе между адомъ и раемъ,—чистилище, въ которомъ находятся души людей, перешедшія въ другую жизнь, не совершенно очистившись отъ грѣховъ. Назначеніе этого мѣста, по ученію

римской церкви, состоитъ въ томъ, что въ немъ претерпѣваютъ временное наказаніе люди полуправедные и полугрѣшные за содѣланные и неотпущенные грѣхи и послѣ удостоиваются райскаго блаженства. Облегчать наказанія и сокращать срокъ мученія могутъ, по ученію ихъ, молитвы церкви за умершаго, милостыни и вообще благодѣянія, оказываемыя бѣднымъ родственниками умершаго въ память его. Изъ этого ученія латинской церкви о чистилищѣ и о средствахъ облегчать чистилищныя наказанія, ясно видно, что она признаетъ и даже считаетъ необходимымъ совершать память, иначе говоря, молится за умершихъ и своимъ положительнымъ ученіемъ прямо опровергаетъ составителя соборнаго изложенія и отклоняетъ отъ себя возводимое на нее обличеніе—за умершихъ творити памяти повелѣваетъ. А папскія индульгенціи, о существованіи которыхъ не могъ не знать составитель, основанныя на фантастическихъ преизбыточествующихъ заслугахъ святыхъ, вліяніе и значеніе которыхъ римская церковь распространяетъ и на умершихъ, въ томъ случаѣ, когда родственники послѣднихъ купятъ на имя ихъ, развѣ не говоритъ противъ составителя и не доказываетъ того, что римская церковь признаетъ соотношеніе между живыми и умершими, и значеніе живыхъ для участи мертвыхъ. Отсюда заключеніе—римская церковь за умершихъ память творити повелѣваетъ, и своимъ повелѣніемъ отклоняетъ отъ себя обличеніе составителя, какъ неприложимое къ ней.

Что касается до обличенія, будто бы римская церковь совершенно отвергаетъ постъ четыредесятницы, среды и пятка, то обличеніе это, какъ оно формулировано составителемъ, можно назвать преувеличеннымъ. Постановленія римской церкви не говорятъ въ пользу мнѣнія составителя, но обличаютъ его. Что же касается до частныхъ и мѣстныхъ нарушеній этихъ постановленій, то они только и остаются нарушеніями, и не подтверждаютъ мнѣнія составителя о церкви вообще. Да и какое отношеніе имѣетъ заблужденіе относительно поста къ правильности или неправильности, законности или незаконности крещенія, совершаемаго латинской церковію? Правила соборовъ повелѣвая отлучать отъ церкви лицъ разногласящихъ съ церковію въ обрядовой сто-

ронѣ таинствъ, въ то же время признаютъ законность совершаемаго у нихъ крещенія и запрещаютъ повторять надъ ними крещеніе, при обращеніи ихъ къ православію,—такъ на примѣръ постановлено въ правилахъ относительно четыредесятниковъ. Составитель соборнаго изложенія слишкомъ много думаетъ видѣть и видитъ въ отлученіи вообще отъ церкви, которому должны равно подлежать еретики, извращающіе христіанство, и раскольники, отличающіеся отъ ученія православнаго въ какихъ либо частныхъ догматахъ. Онъ вообще смотритъ на это отлученіе, какъ на отверженіе въ лицахъ, подвергающихся этому отлученію, всего христіанскаго, смотритъ на нихъ, какъ на не христіанъ. Взглядъ этотъ справедливъ относительно еретиковъ извращающихъ сущность христіанскаго ученія, и потому самихъ себя исключающихъ изъ категоріи христіанъ, но нельзя того же сказать о всякомъ вообще, подвергшемся церковному отлученію. Многіе подвергаются наказанію чадолюбивой матери церкви, но между ними и церковію не нарушаются внутреннее единство. Они все-таки остаются чадами ея, но чадами опальными, отъ которыхъ она ждетъ раскаянія и исправленія, даже сама содѣйствуетъ имъ къ тому въ своихъ молитвахъ, послѣ чего они снова вступаютъ въ совершенное единеніе съ нею. Составитель не допускаетъ такого разграниченія между лицами, подвергшимися отлученію, и на всѣхъ ихъ смотритъ, какъ на людей, отторгнутыхъ совершенно отъ церкви, какъ на неимѣющихъ у себя совершенно ничего христіанскаго. Такъ думать даетъ намъ право то строгое обвиненіе и приговоръ, которыя произноситъ составитель надъ латинскою церковію изъ за того, наприм., что она совершаетъ постъ въ субботу, что дозволяетъ дѣтямъ употреблять сыръ и яица въ четыредесятницу, въ предыдущихъ сопоставленіяхъ, равно какъ и въ послѣдующемъ сопоставленіи латинянъ съ мессаліанами и василіанами. Говоря объ этихъ еретикахъ, составитель приводитъ то заблужденіе ихъ, что они, согласно оригенову мудрованію, слишкомъ снисходительно смотрятъ на преступленія другихъ, принимаютъ ихъ по первому покаянію, не узнавши еще плодовъ покаянія ихъ и не налагаютъ на нихъ эпитимій; и будто бы за это отступленіе ихъ, правила церкви повелѣваютъ принимать къ

церкви чрезъ совершеніе надъ ними совершеннаго крещенія. Въ основаніе этого положенія онъ приводитъ первое правило св. Василія Великаго. Въ указанномъ правилѣ св. Василія не находится прямаго указанія на мессаліанъ и василіанъ и составитель приводитъ его на основаніи аналогическихъ соображеній. Въ этомъ правилѣ указывается строгое разграниченіе отлученныхъ отъ церкви и подробное указаніе, надъ кѣмъ должно совершать крещеніе и надъ кѣмъ не должно, смотря потому—въ чемъ заключалась сущность заблужденій отлученныхъ—и за что собственно они подверглись отлученію. Въ немъ заключается положительное указаніе на то, что людей, съ указанными составителемъ заблужденіями или заблужденіями подобными, крестить вновь не должно. Отсюда прямое заключеніе, что приговоръ произносимый о мессаліанахъ и василіанахъ не имѣетъ никакого основанія раціонально представленнаго, хотя составитель и приводитъ въ основаніе правило св. Василія Великаго, —значитъ и самое сопоставленіе римлянъ съ ними, не даетъ права заключать о первыхъ, какъ о неправильно крещенныхъ, которыхъ по этому должно вновь крестить, и становится произвольнымъ. Если же соборныя правила и повелѣваютъ принимать мессаліанъ и василіанъ какъ эллиновъ, то на томъ основаніи, что они многое въ свое ученіе заимствовали изъ лжеученій манихеевъ и монтанистовъ, представляли на прим. душу всякаго человѣка обиталищемъ злаго духа, котораго стремились изгнать изъ себя различными или самими придуманными обрядами и движеніями, соединяя все это съ религіозными началами и освящая ими; такимъ образомъ еретики эти примѣшивали къ христіанству элементъ языческой философіи, чего, ясное дѣло, не могъ указать составитель въ вѣроученіи латинской церкви. Положимъ, были попытки съ его стороны сопоставить вѣроученіе латинской церкви съ гностическимъ воззрѣніемъ, но эти попытки и оставались только попытками, никогда не достигали своей цѣли, такъ какъ не имѣли на своей сторонѣ раціональныхъ началъ. Далѣе составитель упоминаетъ о обливаніи, чрезъ которое совершаетъ крещеніе латинская церковь, — и противъ этого обычая приводитъ свидѣтельство митрополита Макарія,—свидѣтельство, помѣщенное въ Сто-

главникѣ. Выше было замѣчено о силѣ этого обличенія, въ настоящемъ случаѣ укажемъ только, что указаніе это не имѣетъ совершенно ни какого отношенія къ предпринятому сопоставленію. Построивши сопоставленіе ереси латинской съ еретиками мессаліанами и василіанами, и произнесши объ нихъ окончательный приговоръ, что должно ихъ перекрещивать—„понеже еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе“, составитель самъ какъ бы не довѣряетъ вѣрности и логичности своего вывода, потому что предполагаетъ возможность возраженія со стороны противниковъ его, возраженія имѣющаго на сторонѣ своей то основаніе, что они правильно крещаются водою и духомъ. Законность и основательность такого возраженія допускаетъ самъ составитель, потому что не оставляетъ его безъ вниманія, не проходитъ молчаніемъ, но старается подорвать его, на основаніи соборныхъ правилъ и тѣмъ заградить уста возражающихъ. Прослѣдимъ этотъ христіанскій отвѣтъ составителя, какъ онъ самъ называетъ его, на столько ли онъ силенъ, чтобъ могъ уничтожить собою силу возраженія противниковъ. Составитель оставляетъ въ сторонѣ сущность самаго воззрѣнія, но прямо поставляетъ свои основанія, излагаетъ положительное фактическое ученіе, послѣ чего, по его заключенію, возраженіе должно уничтожаться само по себѣ. Онъ опирается вообще на тѣ правила соборовъ, гдѣ говорится о еретическомъ крещеніи, какъ незаконномъ, и о томъ, что его должно снова совершать. И прежде всего говоритъ объ опредѣленіи перваго Вселенскаго собора относительно павликіанъ (прав. 19), гдѣ отцы собора единогласно признали еретическое крещеніе незаконнымъ и повелѣли совершать надъ ними крещеніе. При разсмотрѣніи частнаго сопоставленія ученія латинской церкви съ ересью Павла Самосатскаго, было выше указано, имѣетъ ли основаніе такое сопоставленіе, и правъ ли составитель, произнесши приговоръ надъ латинями, равносильный тому, какой отцы Вселенскаго собора произнесли надъ послѣдователями Павла Самосатскаго,—теперь скажемъ только, что говоря о еретическомъ крещеніи какъ о незаконномъ, св. отцы имѣли въ виду одно опредѣленное крещеніе, именно крещеніе павликіанъ, которые, по сущности своего лжеученія и по формѣ совер-

шаемаго крещенія, не имѣли у себя правильнаго крещенія, а потому и должно было ихъ крестить какъ некрещенныхъ, какъ язычниковъ; и приговоръ ихъ не относится ко всѣмъ вообще еретикамъ; относительно же другихъ еретиковъ постановлены другія правила, наприм., 8-е правило того же собора и друг. Далѣе составитель подтверждаетъ свое ученіе 46 и 47 правилами апостольскими, гдѣ говорится, что епископъ долженъ быть изверженъ, если онъ не поругается еретическому крещенію, а также, если онъ не креститъ не право крещеннаго; но здѣсь же, замѣтимъ, говорится и о томъ, если епископъ или пресвитеръ вновь окреститъ законно крещеннаго, то такъ же долженъ быть изверженъ. Апостольскія правила имѣютъ въ виду собственно еретическое крещеніе, какъ неправильно совершенное, и, стало быть, предоставляютъ право разбирать сущность самаго крещенія. Въ правилахъ послѣдующихъ соборовъ (95 прав. VI Всел. соб), и св. отецъ развита мысль содержащагося въ апостольскихъ правилахъ, и если брать за основаніе эти правила, то неиначе нужно, какъ совокупно съ послѣдующимъ развитіемъ. Самъ составитель говоритъ, что правила, имъ указанныя, имѣютъ въ виду еретическое крещеніе, но онъ далѣе отступилъ отъ соборнаго ученія и сдѣлалъ произвольное заключеніе въ отношеніи къ крещенію латинской церкви. 1 прав. св. Василія Великаго, которое не однократно составитель цитуетъ, и въ которомъ ясно и подробно говорится—какое крещеніе еретическое и какое нѣтъ, ясно протестуетъ противъ вывода составителя, равно какъ 95-е прав. VI Вселенскаго собора и друг.

Не имѣя возможности продолжать далѣе свои сопоставленія римской церкви съ лжеученіями еретиковъ, составитель дѣлаетъ общее заключеніе о томъ, что должно перекрещивать приходящихъ отъ латинскія вѣры, „понеже пріяша въ законъ свой многочастныхъ и различныхъ ересей преданія“,—и потомъ переходитъ къ положительному ученію западной церкви, и здѣсь думаетъ найти подтвержденіе своему задушевному убѣжденію, своему выводу. На сколько вѣрно положеніе составителя о томъ, что римская церковь приняла въ свое вѣроученіе различныхъ ересей преданія, мы имѣли случай видѣть при разсмотрѣніи сопоставленій

ученія ея съ ученіемъ различныхъ еретиковъ,—сопоставленій, дѣлаемыхъ составителемъ; теперь прослѣдимъ — вѣрно-ли заключеніе составителя о латинскомъ крещеніи, какъ еретическомъ, выводимое на основаніи положительнаго ученія римской церкви. Составитель прежде всего останавливается на заблужденіи латинской церкви относительно догмата о исхожденіи Св. Духа; говоритъ, что это самая злая злоба и вражда на Бога, что чрезъ это латиняне уничтожаютъ у себя все христіанское и по этому должны быть перекрещиваемы. Дѣйствительно, это лжеученіе латинской церкви есть самое важное; оно поставляетъ ихъ въ ряду еретиковъ,— такъ какъ они въ этомъ случаѣ измѣнили не только церковной практикѣ, но и взяли на себя роль лжетолкователей положительнаго христіанскаго ученія, вопреки ясному ученію слова Божія и изъясненію его св. отцами церкви. Заблужденіе это касается одного изъ основныхъ догматовъ христіанскаго ученія, и слѣдовательно имѣетъ непосредственное отношеніе къ правильности или неправильности, законности или незаконности крещенія, совершаемаго латинскою церковію; но онъ и здѣсь не можетъ оправдать своего вывода, не противорѣча соборному ученію каѳолической церкви. Критерій для оцѣнки законности крещенія, по ученію Вселенской церкви, состоитъ въ слѣдующемъ: крещеніе еретическое, т. е. совершенное неправильно ни по сущности, ни по формѣ незаконно. Напримѣръ, если крещеніе совершено не во имя трехъ Лицъ Пресвятыя Троицы, а во имя одного Лица, или во имя трехъ троицъ, какъ совершалось оно древними еретиками; если не было законнаго совершителя таинствъ [1]), если употреблено не такое вещество для совершенія крещенія, какое было употреблено при крещеніи Господа, употребляемо св. апостолами и всею древнею церковію. Въ древности, наприм., были еретики, употреблявшіе вмѣсто воды масло и другія вещества, нѣкоторые же крестились чрезъ бичеваніе, чрезъ прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ и проч.

---

[1]) Наша православная церковь хотя и признаетъ законность собственно погруженія, совершаемаго частнымъ лицемъ, но только въ крайнихъ случаяхъ, а при этомъ постановлено совершать всѣ обряды крещенія священнику послѣ, кромѣ одного погруженія.

Ясное дѣло, что составитель не могъ отнести латинскаго крещенія къ категоріи еретическаго крещенія, потому что оно совершается — во имя Отца и Сына и Св. Духа, совершается лицами хиротонисованными, имѣющими въ себѣ присутствіе благодати, сохранившейся у нихъ преемственно отъ временъ апостольскихъ; вещество употребляется у нихъ также такое, какое должно быть употребляемо и по ученію православной церкви. Если же латиняне совершаютъ крещеніе чрезъ обливаніе, а не погруженіе, то этимъ не уничтожается сила самаго таинства, потому что такъ совершенное крещеніе допускается иногда и въ церкви православной. Что же касается до ученія латинской церкви объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, на которомъ можно бы было основать свое заключеніе составителю, то и здѣсь онъ не можетъ найти оправданія своему заключенію въ правилахъ св. соборовъ, ни вселенскихъ, ни помѣстныхъ, напротивъ даже прямо обличается ими въ произвольности своего вывода. Заблужденіе и неправильное ученіе латинской церкви объ исхожденіи Св. Духа filioque—по сущности своей не ведетъ къ униженію Божественнаго достоинства ни одного изъ Лицъ Пресвятой Троицы, оно не низводитъ въ ряды твореній ни Духа Святаго исходящаго, ни Отца и Сына виновниковъ Его бытія,— оно только противорѣчитъ положительному ученію свящ. Писанія и св. отцевъ, и вводитъ, безъ всякаго основанія, двоеначаліе въ понятіи о Богѣ какъ виновникѣ всего единомъ; слѣдовательно, оно по сущности своей не уничтожаетъ основнаго догмата христіанства, а только повреждаетъ его, привноситъ въ него такія понятія произвольныя, для которыхъ нельзя найти положительныхъ основаній, а можно только подбирать мѣста свящ. Писанія и, на основаніи ихъ, строить діалектическіе выводы, и уже изъ этихъ выводовъ, помимо прямаго смысла, содержащагося въ Писаніи, дѣлать заключенія. Конечно, такія произвольныя обращенія латинянъ съ основаніемъ христіанскаго вѣроученія не говорятъ въ пользу чистоты ихъ вѣры, и низводятъ ихъ на степень еретиковъ, — но это одно названіе еще не даетъ права отвергать у нихъ все христіанское, какъ дѣлаетъ это составитель соборнаго изложенія. Обращаясь къ древней исторіи церкви,

мы видимъ, что тамъ были еретики аріане, которые отвергали Божественное достоинство Виновника нашего спасенія, Виновника христіанства, Сына Божія, низводя Его на степень тварей обыкновенныхъ, называя Его тварію высшею, сотворенною прежде всѣхъ тварей. Такъ какъ еретики эти уничтожали Божественное достоинство виновника христіанства, то они менѣе всѣхъ другихъ еретиковъ имѣли право на названіе христіанъ, и если кого, такъ ихъ нужно было вновь крестить при обращеніи ихъ къ православію, по заключенію, какое дѣлаетъ составитель относительно латинянъ. Далѣе мы встрѣчаемся съ македоніанами, которые совершенно отвергали Божественное достоинство третьяго Лица Пресвятыя Троицы — низводя Его на степень общаго по существу съ ангелами творенія, представляя Его силою служебною Сыну Божію, разлитою по всему и дѣлящеюся до безконечности. При разсмотрѣніи того и другаго лжеученій, ясно открывается, что они не признавали Троичности Лицъ въ Богѣ—Лицъ какъ равносильныхъ, составляющихъ единое Божество, извращали и уничтожали сущность основнаго христіанскаго ученія. Св. отцы церкви вооружались противъ нихъ всею силою своего слова, и единогласно отлучили ихъ отъ церкви, какъ еретиковъ. Между тѣмъ въ послѣдующихъ правилахъ соборовъ, когда нѣкоторые изъ еретиковъ начали обращаться къ православію, постановлено принимать ихъ безъ совершенія надъ ними крещенія, но помазующе токмо св. мѵромъ вся чувства, и взявши отъ нихъ письменное отреченіе отъ своей ереси. Такъ въ 7 правилѣ II Вселенскаго собора сказано: аріанъ, македоніанъ, савватіанъ и новатіанъ, именующихъ себя чистыми и лучшими, четыренадесятидневниковъ и аполинаристовъ, когда они даютъ рукописаніе и проклинаютъ всякую ересь немудрствующую, какъ мудрствуетъ святая Божія каѳолическая и апостольская церковь, пріемлемъ запечатлѣвая, т. е. помазуя св. мѵромъ, во первыхъ чело, потомъ очи и ноздри, и уста и уши и запечатлѣвая ихъ глаголемъ; печать дара Духа Святаго. Далѣе перечисляются тѣ еретики, которыхъ должно перекрещивать. Еретики первой категоріи принимаются безъ крещенія, потому что они только повреждали догматы христіанскаго вѣроученія, но не уничтожали ихъ, и имѣли у себя пра-

вильное крещеніе—по образу или по формѣ, сходное съ православнымъ, — другой категоріи еретики уничтожали догматы христіанской вѣры, не признавали крещенія таинствомъ, искажали это таинство и въ сущности и въ формѣ его, и установляли у себя свое крещеніе; и на этомъ основаніи св. отцы равняли ихъ съ язычниками и совершали надъ ними крещеніе. Точно такое же постановленіе содержится и въ 95 правилѣ VI Вселенскаго собора. Такъ снисходительно смотрѣли эти правила на заблужденія этихъ еретиковъ и принимали ихъ къ православію, не повторяя надъ ними крещенія для того, чтобы облегчить присоединеніе ихъ къ чадолюбивой матери церкви, которая снисходительно смотритъ на ихъ заблужденія, если они чистосердечно раскаются въ своихъ заблужденіяхъ. Слишкомъ широко пустили свои корни эти ереси, много неопытныхъ увлеклись коварствомъ ихъ ученія, и каждый приверженецъ ихъ былъ увѣренъ въ истинности своего вѣроученія, какъ истинно христіанскаго, потомъ раскрываются его очи, онъ постигнетъ свое заблужденіе, изъявляетъ свое согласіе сдѣлаться истиннымъ сыномъ истинно-православной церкви, между тѣмъ и прежняя его церковь, если можно такъ выразиться, имѣетъ еще въ глазахъ его достоинство христіанской, онъ не успѣлъ еще разроднитьея, расквитаться съ прежними своими воззрѣніями. Какъ христіанинъ онъ знаетъ, что крещеніе совершенное законно — во имя Отца и Сына и Св. Духа единожды—не повторяется, и если при обращеніи его потребуютъ отъ него новаго крещенія — совѣсть его можетъ поколебаться, онъ можетъ снова возвратиться къ своимъ прежнимъ заблужденіямъ. Онъ знаетъ, что крещеніе совершается надъ некрещенными, и если требуютъ отъ него крещенія, значитъ отрицаютъ въ немъ все христіанское, полагаютъ совершенный контрастъ между православною церковію и его ученіемъ, которое для него еще дорого. Св. отцы соборовъ сознавали это и согласно съ принципомъ христіанства въ своихъ правилахъ заповѣдали крещеніе, хотя и совершенное внѣ православія, но совершенное законно, признавать истиннымъ и не повторять его надъ обращающимися къ православію, дабы чрезъ это сдѣлать болѣе удобнымъ присоединеніе увлекшихся нечестіемъ. Если же правила соборныя такъ

снисходительно смотрятъ на крещеніе аріанъ и македоніанъ и принимаютъ ихъ безъ повторенія надъ ними крещенія, то, кольми паче, скажемъ словами собора 1667 г., латинянъ, меньшее преступленіе имущихъ, не подобаетъ крестити. Русскіе святители какъ прежде, такъ и послѣ патріарха Филарета смотрѣли на крещеніе вообще согласно съ ученіемъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и, при обращеніи еретиковъ къ церкви православной, строго разбирали законность или незаконность крещенія, совершаемаго у нихъ, и повторяли крещеніе въ томъ только случаѣ, если оно не имѣло законности ни по существу своему, ни по формѣ. Такъ преподобный Іосифъ Золоцкій по случаю присоединенія новгородскихъ еретиковъ къ православію высказалъ слѣдующее мнѣніе, основанное на ученіи вселенской церкви: „иже отъ еретикъ приходящихъ и кающихся, а вѣрующихъ и крестящихся во имя Отца и Сына и Св. Духа, не повелѣно паки крестити, но обіе Таинъ сподобляти, по отверженіи своея ереси“ (соч. о новг. еретикахъ гл. 15). А святый архіепископъ александрійскій Тимоѳей даетъ при этомъ удовлетворительный отвѣтъ для чего не крещаютъ еретиковъ, обращающихся къ православію и на какомъ основаніи, „аще бы сіе было (еже покрещати) не бы человѣкъ скоро обращался отъ ереси, стыдяся покрещенія; обаче и возложеніемъ руку пресвитерскую и молитвою, вѣсть приходити Духъ Святый, яко же свидѣтельствуютъ Дѣянія св. апостолъ, зач. 18: тогда, рече, возложиша руцѣ на ня и пріяша Духа Свята“. Такимъ образомъ, кромѣ яснаго противорѣчія выводовъ составителя относительно перекрещиванія латинянъ ясному ученію соборныхъ правилъ, онъ впадаетъ даже въ противорѣчіе собственно съ практикою русской церкви, представителемъ которой былъ онъ самъ. Выше составитель говорилъ, что въ русской церкви никогда не было такого обычая, чтобъ она принимала къ себѣ какъ латинянъ, такъ и всѣхъ другихъ еретиковъ, безъ совершенія надъ ними крещенія, между тѣмъ противъ него ясно говорятъ постановленія русской церкви, въ лицѣ ея представителей. Именно, что латинянъ церковь русская принимала безъ повторенія крещенія, объ этомъ свидѣтельствуетъ отвѣтъ новгородскаго архіепископа Нифонта, на вопросъ Киріяка — какъ должно

принимать латинянъ. Составитель и самъ знаетъ объ этомъ обычаѣ, но думаетъ оправдать себя тѣмъ, что такъ поступали тогда, когда еще заблужденія латинянъ были не такъ значительны, и что впослѣдствіи въ вѣроученіе ихъ привзошли многія иныя ереси, и этимъ думаетъ оправдать свое воззрѣніе. Напротивъ этого протестуетъ свидѣтельство церковной исторіи, по которому извѣстно, что заблужденія латинской церкви выяснились и объединились еще въ IX вѣкѣ, а въ XI и XII в. уже окончательно утвердились; и слѣдовательно постановленіе Нифонта явилось въ то время, когда заблужденія церкви латинской были конописированы. А противъ перекрещиванія еретиковъ иныхъ различныхъ вѣръ говоритъ свидѣтельство Іосифа Волоцкаго, который на основаніи ученія Вселенской церкви говоритъ, что должно крестить тѣхъ, которые крещены незаконно, и особенно, если крещены не во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Со времени отдѣленія западной церкви отъ церкви восточной, при каждомъ нововведеніи въ первой, св. отцы церкви восточной вооружались всею силою своего слова — раскрывали незаконность нововведенія, указывали противорѣчіе его положительному ученію слова Божія и ученію соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, и послѣ основательнаго изслѣдованія вновь явившагося заблужденія, произносили на западную церковь отлученіе, но ни одинъ изъ ревнителей православія не высказывалъ своего мнѣнія, относительно перекрещиванія латинянъ, не смотря на то, что ставили ихъ въ уровень съ древними еретиками. При составленіи своего опредѣленія относительно перекрещиванія латинянъ, составитель необходимо долженъ бы былъ обратиться къ мнѣнію собора, бывшаго въ 1484 г., для уничтоженія постановленій собора Флорентійскаго и здѣсь онъ увидѣлъ бы неосновательность своего заключенія. Вселенскіе патріархи, представители этого собора, по тщательномъ разсмотрѣніи постановили слѣдующее: „аще кто отъ латинъ возвратится къ православнѣй, каѳоличестѣй восточнѣй церкви помазывати ихъ святымъ мѵромъ, а неперекрещивати“. Постановленіе это было сдѣлано тогда, когда извѣстны были всему міру, а тѣмъ болѣе присутствовавшимъ на соборѣ, всѣ тѣ заблужденія латинской церкви, на которыя ссылается соста-

витель какъ на основаніе вѣрности своего вывода. Заблужденія эти были признаны соборомъ незаконными, несогласными съ христіанскимъ воззрѣніемъ; самая западная церковь подверглась даже отлученію, какъ еретичествующая, и не смотря на это, отцы собора прямо постановили приходящихъ отъ латинянъ не перекрещивати.

Цитуя правила соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, въ которыхъ нѣтъ прямаго указанія на то, крестить или не крестить приходящихъ отъ западной церкви, потому что въ то время не успѣли еще сформулироваться заблужденія латинянъ, составитель, пользуясь правомъ, на основаніи сущности ученія соборовъ, дѣлать заключенія и относительно другихъ еретиковъ, неупоминаемыхъ въ соборномъ постановленіи, и явившихся уже въ послѣдствіи, беретъ часто одно только повелѣніе собора крестить еретиковъ, имѣющихъ опредѣленную ересь, и нисколько не разбирая того, тождественна ли ересь церкви латинской съ упоминаемою ересью въ соборномъ правилѣ, произноситъ и о латинянахъ такой же приговоръ. Но извратить смыслъ постановленія собора 1484 г. онъ уже не могъ, потому что въ немъ содержится положительное запрещеніе перекрещивать латинянъ, а потому онъ счелъ за лучшее совершенно не упоминать объ этомъ постановленіи, прошелъ его молчаніемъ, какъ бы несуществующее. Между тѣмъ нельзя допустить той мысли, что дѣйствительно составителю не было извѣстно это постановленіе. Извѣстно, что дѣянія соборовъ, тотчасъ послѣ окончанія собора, обнародывались всѣмъ христіанамъ, и слѣдовательно постановленіе восточныхъ патріарховъ дошло до свѣдѣнія русской церкви, тѣмъ болѣе, что и сама русская церковь имѣла непосредственное отношеніе къ этому собору въ лицѣ своего бывшаго митрополита Исидора; такъ какъ этотъ соборъ былъ составленъ въ противодѣйствіе постановленіямъ собора Флорентійскаго, на которомъ присутствовалъ и перешелъ на сторону папы русскій митрополитъ Исидоръ.

Маркъ, митрополитъ Ефесскій, во все время своей дѣятельности пребывалъ въ постоянной борьбѣ съ западною церковію противу ея нововведеній, безбоязненно обличалъ онъ папу и его единомышленниковъ въ отступленіи ихъ отъ древняго ученія вселенской церкви, но въ тоже время въ

окружномъ своемъ посланіи говоритъ, что отъ „латинниковъ, приходящихъ къ православію, яко аріановъ, и македоніанъ, и савватіанъ, и наватіанъ, пріемлемъ подающихъ писаніе и проклинающихъ всякую ересь, не мудрствующую, якоже мудрствуетъ святая восточная церковь, и по седьмому правилу Втораго собора печатаемъ, сиречь помазуемъ ихъ св. мvромъ чело, очеси и прочая по уставу, глаголюще: печать дара Св. Духа. Аминь". Такое постановленіе о латинянахъ сдѣлалъ Ефесскій митрополитъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ православія своего времени, раскрывшій и обличившій сущность и развитіе заблужденій западной церкви. Онъ не щадитъ, гдѣ нужно, латинской церкви, но въ тоже время и признаетъ законность ея дѣйствій, на основаніи правилъ соборовъ. Въ произвольности заключенія составитель соборнаго изложенія не могъ заподозрить Ефесскаго митрополита, потому что въ основаніе своего воззрѣнія онъ полагаетъ правило Вселенскаго собора, и уже на основаніи его дѣлаетъ такое, а не иное заключеніе. Составитель предвидѣлъ это, но такъ какъ съ его принципомъ не было согласно, признать ученіе Ефесскаго митрополита, и съ другой стороны, такъ какъ онъ не могъ опровергнуть законности вывода, то онъ и счелъ за лучшее пройти молчаніемъ то, на что преимущественно долженъ былъ обратить вниманіе, какъ на общій выводъ изъ правилъ св. соборовъ относительно присоединенія къ православію послѣдователей латинской ереси, выводъ составленъ общимъ разсмотрѣніемъ вселенскихъ патріарховъ ими одобренный и утвержденный.

Дѣлая сопоставленіе латинской ереси съ ересями существовавшими въ первыя времена церкви Христовой, составитель не одинъ разъ указывалъ на уклоненіе латинской церкви въ образѣ крещенія именно на то, что латинская церковь совершаетъ у себя крещеніе не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе,—теперь онъ изъ этого пункта строитъ цѣльный доводъ въ подтвержденіе своего взгляда на латинское крещеніе. На сколько важно это уклоненіе латинской церкви отъ практики вселенской церкви, и уничтожаетъ ли это разногласіе законность крещенія, мы имѣли случай говорить объ этомъ при разсмотрѣніи частныхъ сопоставленій составителя. Теперь остается только, во избѣжаніе повто-

ренiй, прослѣдить сущность построенiя, дѣлаемаго составителемъ, и разсмотрѣть новыя обвиненiя на латинскую церковь, о которыхъ прежде составитель не упоминалъ. „Мудрствуютъ неправо и богомерзко о непорочной бани бытiя и святомъ крещенiи, и крещаютъ водою обливаютъ, а трижды непогружаютъ". Справедливо то замѣчанie составителя, что латиняне мудрствуютъ не право, вопреки ученiю слова Божiя и обычаю древней церкви, справедливо, что они увлеклись частнымъ обычаемъ древней церкви,—обычай допускаемый въ видѣ исключенiя, приняли за положительную норму дѣятельности, но слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что такое неправильное дѣйствie ихъ богомерзко, и уничтожаетъ собою сущность самаго крещенiя? Слѣдя далѣе за изложенiемъ составителя, можно придти, на основанiи словъ его, къ тому заключенiю, что крещенie у латинянъ совершается не въ три обливанiя или погруженiя, а во едино или въ два и крещаютъ водою обливаютъ, а трижды не погружаютъ. Точное сопоставленie должно быть собственно между погруженiемъ и обливанiемъ, а составитель присоединяетъ еще къ этому то обвиненie, что они не погружаютъ трижды, и такою неточностiю даетъ право думать, что обливанie у нихъ нетройственное, а какое либо иное; что явно противорѣчитъ вѣроученiю и практикѣ латинской церкви, и обличаетъ составителя въ произвольномъ обнародованiи небывалыхъ заблужденiй латинской церкви, или по крайней мѣрѣ въ произвольномъ выводѣ заключенiй—изъ положенiй не точно выясненныхъ и односторонне изложенныхъ.

При разсмотрѣнiи прежнихъ сопоставленiй и обличенiй составителя, мы видѣли только то, что онъ бралъ за основанie своего вывода такie пункты, которые не могутъ служить основанiемъ, встрѣчались часто съ произвольными его заключенiями, но еще ни разу не встрѣчалось того, чтобы онъ возводилъ на латинскую церковь обвиненie неизвѣстное ей, и само по себѣ неимѣющее смысла, но въ настоящемъ обвинительномъ пунктѣ составитель допустилъ съ своей стороны и эту неосторожность. Разобравши неправильности или, точнѣе говоря, уклоненiя западной церкви, въ совершенiи таинства крещенiя, составитель переходитъ къ совершенiю таинства мѵропомазанiя и здѣсь находитъ то, чего

никакъ нельзя найти ни въ вѣроученіи латинской церкви, ни въ практикѣ, даже при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ тѣмъ и другимъ. Вотъ что говоритъ составитель о совершеніи этого таинства у латинянъ: „и мүромъ и масломъ не помазываютъ, и вмѣсто мүра кладутъ соль въ ротъ, и слюнами растворяютъ, и тѣмъ вмѣсто мүра помазываютъ, ихъ же обличаютъ святыя правила богоносныхъ отецъ и проч.“. Это обличеніе со стороны составителя есть явная неправда на латинскую церковь, свидѣтельствующая только о совершенномъ незнакомствѣ составителя съ вѣроученіемъ латинской церкви, или же о намѣренномъ искаженіи истинъ съ цѣлію найти основаніе для своего вывода. Ревностною бдительностію поборниковъ православія усмотрѣны всѣ заблужденія западной церкви, прослѣжены и подорваны всѣ пункты разногласій какъ въ вѣроученіи, такъ и въ церковной практикѣ, но никто и нигдѣ изъ обличителей западной церкви не указалъ на это извращеніе таинства, на это уничтоженіе таинства - профанацію таинства. Напротивъ того, указано на то только разногласіе западной церкви отъ восточной, что тамъ совершается это таинство одними только епископами *), совершается надъ лицами, достигшими по крайней мѣрѣ семилѣтняго возраста, и вообще достигшими сознательнаго понимания своей личности; и что при совершеніи этого таинства употребляется у нихъ личная форма въ произносимыхъ словахъ подобно какъ и въ крещеніи, и только въ этихъ пунктахъ находятъ разногласіе. Если составитель дозволилъ высказать себѣ такую неосновательную истину, то мы вправѣ заключить, что онъ или совершенно не былъ знакомъ съ вѣроученіемъ западной церкви, и составлялъ свои воззрѣнія на нее на основаніи бабьихъ басенъ, отъ которыхъ заповѣдуетъ удаляться апостолъ, или же намѣренно прошелъ молчаніемъ фактическія разногласія западной церкви въ этомъ таинствѣ, и дѣйствительнымъ истиннымъ свѣдѣніямъ о разногласіи за-

---

*) Латинская церковь сама дѣлаетъ иногда отступленія отъ своего каноническаго постановленія, предоставляющаго совершать таинство мүра исключительно однимъ епископамъ, и уполномочиваетъ на это часть пресвитеровъ, отправляемыхъ напримѣръ въ миссію.

падной церкви въ разсматриваемомъ пунктѣ, почерпнутымъ изъ вѣроученія ея предпочелъ нелѣпыя преданія, ходившія въ народѣ бабьи басни, съ тою цѣлію, чтобъ отнести, на основаніи этихъ слуховъ, латинянъ къ числу еретиковъ, уничтожающихъ сущность таинствъ. Замѣтимъ при этомъ, еслибы и истинно было обвиненіе составителя, и тогда оно не могло бы служить подтвержденіемъ вывода его,—крещеніе не то, что мѵропомазаніе, и незаконное совершеніе послѣдняго не свидѣтельствуетъ еще о незаконности и перваго, а если незаконно только послѣднее, то достаточно совершать только это таинство надъ приходящими къ православію, какъ и поступаетъ церковь на основаніи соборнаго ученія.

Далѣе составитель переходитъ къ обличенію римской церкви въ ея разногласіи съ церковію восточною при совершеніи таинства евхаристіи, указываетъ на произвольное узаконеніе ея совершать евхаристію на опрѣснокахъ вмѣсто квасного хлѣба. Составитель основательно опровергаетъ это ученіе западной церкви положительнымъ ученіемъ слова Божія и ученіемъ св. отецъ. Указываетъ на несообразность этого нововведенія какъ съ буквальнымъ смысломъ евангельскаго и апостольскаго ученія, такъ и съ обстоятельствами сопровождавшими совершеніе тайной вечери Самимъ Спасителемъ. Раскрывши неосновательность нововведенія, составитель подтверждаетъ свое мнѣніе 11 правиломъ VI Вс. собора, гдѣ запрещается всякое пріобщеніе къ жидомъ,—и между прочимъ употребленіе съ ними опрѣсноковъ. Послѣднее запрещеніе собственно и нужно было для составителя, какъ протестъ противъ нововведенія западной церки,—но едва ли во всей силѣ можно приложить къ латинянамъ то отлученіе, которому долженъ подвергаться „всякой ядый съ жиды опрѣсноки“. Правило возстаетъ собственно противъ склонности нѣкоторыхъ изъ христіанъ, перешедшихъ изъ іудейства, совершать вмѣстѣ съ своими соплеменниками, праздникъ опрѣсноковъ —возстаетъ противъ употребленія опрѣсноковъ въ томъ значеніи, въ какомъ употребляли ихъ іудеи; а относительно опрѣсноковъ употребляемыхъ въ латинской церкви при совершеніи таинства евхаристіи должно замѣтить, что они употребляются не жидовскія, но по принципу quasi хри-

стіанскому, по примѣру Самого Основателя таинствъ, какъ говорятъ латиняне. Такъ какъ на всѣ обличенія составителя возводимыя на латинскую церковь должно смотрѣть, какъ на доказательство основной идеи его проводимой во всемъ соборной изложеніи, что латинское крещеніе, не есть крещеніе законное, но еретическое, то относительно представленнаго обвиненія на латинскую церковь должно сказать, что оно хотя и обличаетъ латинскую церковь въ произвольномъ уклоненіи отъ ученія и практики вселенской церкви, но не говоритъ въ пользу мнѣнія составителя о латинскомъ крещеніи, и отсюда противъ крещенія латинянъ. То же самое должно сказать и о послѣдующихъ замѣчаніяхъ составителя объ огнѣ чистилищномъ и о новомъ календарѣ, какъ о двухъ произвольныхъ нововведеніяхъ, западной церкви вопреки ученію церкви вселенской. Эти указанія вообще могутъ быть представлены какъ свидѣтельства своеволія западной церкви, унижающія ея достоинство вообще въ сравненіи съ церковію восточною, вѣрною хранительницею отечества и соборныхъ преданій; но они не могутъ браться какъ аргументы той мысли, что латинское крещеніе какъ еретическое нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе, — а составитель очевидно приводитъ ихъ именно съ этою цѣлію.

Окончивши личное разсмотрѣніе заблужденій латинской церкви и сдѣлавши окончательный выводъ изъ своего разсмотрѣнія о латинскомъ крещеніи, какъ о еретическомъ, составитель представляетъ общій обзоръ всѣхъ заблужденій латинянъ и въ этомъ случаѣ кромѣ личнаго разсмотрѣнія представляетъ еще обличеніе на латинскую церковь древнихъ отцевъ жившихъ прежде него. Въ своемъ коллективномъ очеркѣ заблужденій латинской церкви, онъ начинаетъ съ разногласія ея въ совершеніи таинства евхаристіи—именно въ употребленіи опрѣсноковъ, и здѣсь высказываетъ оригинальный взглядъ на этотъ пунктъ разногласія. Опираясь на свидѣтельствѣ исторіи древней церкви, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о томъ, что опрѣснокъ употребляемъ былъ при совершеніи евхаристіи аполлинаріанами, которые признавали, что Христосъ имѣлъ только одно тѣло безъ души, мѣсто котораго занималъ въ немъ Божественный умъ, и на этомъ основаніи употребляли опрѣсноки какъ хлѣбъ

безъ собственной силы,—составитель отождествляетъ латинянъ съ означенными еретиками, говоритъ, что, употребляя опрѣсноки вмѣсто кваснаго хлѣба, они впадаютъ въ ересь Аполлинарія. Отождествленіе законно только въ томъ смыслѣ, что какъ тѣ, такъ и другіе употребляютъ хлѣбъ опрѣсночный, но если вникнуть во внутреннія начала, по иниціативѣ которыхъ дѣйствуютъ тѣ и другіе, въ такомъ случаѣ нельзя найти основанія для вывода составителя въ вѣроученіи латинской церкви, гдѣ собственно и нужно искать основанія. Латиняне признаютъ, что Христосъ Спаситель вочеловѣчился истинно, принялъ тѣло и душу человѣка, а не одно только тѣло, и если признаютъ употребленіе въ евхаристіи опрѣсноковъ, то на основаніи quasi причинъ собственно историческихъ, силясь оправдать свой обычай примѣромъ Самого Основателя таинствъ, помимо всякихъ догматическихъ основаній, какъ это дѣлаютъ аполлинаристы.

Подробное изложеніе основаній составителя было сдѣлано при частномъ разборѣ его обличеній, теперь ограничимся только общими замѣчаніями и укажемъ на болѣе рѣзкія обличенія, неизвѣстныя латинской церкви, а потому и не имѣющія права на названія обличеній. Если слѣдить послѣдовательно за изложеніемъ, то нужно бы было остановиться на обличеніи его въ томъ пунктѣ, что латинская церковь не право исповѣдуетъ догматъ объ исхожденіи Св. Духа, а такъ какъ объ этомъ было говорено выше, то слѣдуетъ перейти къ дальнѣйшимъ обличеніямъ. Составитель говоритъ, что одинъ изъ римскихъ папъ именно Петръ гугнивый повелѣлъ „имѣть священникамъ до семи женъ, а наложницъ елико кто хощетъ и со псы въ церковь ходити".—Въ историческихъ памятникахъ трудно найти подтвержденіе такому обличенію, напротивъ изъ исторіи извѣстно, что съ древнихъ временъ въ римской церкви былъ обычай не только не дозволять вступать въ бракъ священникамъ, но даже со времени Григорія VII повелѣно расторгать принимающимъ санъ священства и прежде совершившимъ браки, какъ этомъ говоритъ выше и самъ составитель. Какъ же примирить такую несообразность въ дѣйствіяхъ—запрещеніе законнаго брака и многоженство. Кромѣ того - такъ какъ составитель говоритъ о всей церкви, то онъ долженъ брать во вниманіе заблужденія принятыя

и допущенныя церковію, а частныя мнѣнія неканонизированныя не могутъ быть поставляемы въ упрекъ всей церкви; дѣло идетъ о нравственной чистотѣ и достоинствѣ не одного лица, а цѣлаго общества, всей церкви.

Свидѣтельство правилъ Іоанна митрополита русскаго о заблужденіяхъ латинской церкви приведено составителемъ безъ всякаго основанія. Здѣсь перечисляются тѣ еретики, которыхъ должно крестить на основаніи правилъ апостольскихъ и св. соборовъ, а составитель прилагаетъ это къ латинянамъ, говоритъ, что всѣ поименованныя ереси есть и у латинянъ. На сколько вѣрно такое положеніе составителя— достаточно было указано при разсмотрѣніи частныхъ сопоставленій ереси латинской съ поименованными еретиками дѣлаемыхъ составителемъ, а потому здѣсь не стоитъ дважды повторять то, что было уже говорено.

Въ послѣдней главѣ своего изложенія составитель дѣлаетъ перечень заблужденій латинской церкви, что составляетъ у него какъ бы непреложныя постановленія или положенія, на основаніи которыхъ онъ произноситъ свой приговоръ о латинскомъ крещеніи не какъ о крещеніи, но какъ объ оскверненіи. Здѣсь кромѣ разбираемыхъ выше обличеній встрѣчается не одно нареканіе на латинскую церковь, неизвѣстное самимъ латинянамъ ни изъ вѣроученія, ни изъ церковной практики. Упомянемъ о самомъ важномъ. Составитель говоритъ между прочимъ, что латиняне называютъ Матерь Божію не Богородицею, а св. Дѣвою. На основаніи обличенія составителя можно подумать, что церковь латинская признаетъ рожденіе отъ Дѣвы только простаго человѣка-Христа, а не Богочеловѣка, между тѣмъ ученіе церкви латинской не даетъ права думать и говорить такъ о ихъ воззрѣніи, которое вполнѣ согласно съ вѣроученіемъ церкви вселенской. Латиняне даже допускаютъ безгрѣшное зачатіе самой Дѣвы съ цѣлію сдѣлать болѣе удобопонятнымъ догматъ о воплощеніи Бога Слова отъ Дѣвы-человѣка. Далѣе составитель говоритъ, что латиняне не причащаютъ ни тѣломъ ни кровію Господа—но что у нихъ совершается это таинство чрезъ цѣлованіе, которое принимаютъ они отъ пресвитера совершающаго таинство: „причащенія св. общенія не яко же и мы сотворяютъ, но яко же рѣша, хотящаго при-

частитися служай презвитеръ цѣлуетъ его токмо, и цѣлованіе пріемлетъ и въ причащенія вмѣсто". Чѣмъ объяснить такое противорѣчіе составителя положительному ученію римской церкви? На основаніи прежняго разсмотрѣнія сопоставленій составителя, можно безошибочно сказать, что онъ искалъ истины не въ разсмотрѣніи ученія латинской церкви, опредѣлялъ её не повѣркою на основаніи правилъ соборовъ, но принялъ за абсолютную истину тотъ фактъ, что латинская ересь есть ересь самая злѣйшая изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ ерессей, потому что она есть ничто иное какъ коллекція всѣхъ ересей когда либо существовавшихъ. Свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ не могли вполнѣ удовлетворить воззрѣнію составителя, какъ потому что они противорѣчили его воззрѣнію такъ и потому, что не были доступны ему въ своемъ цѣломъ систематическомъ видѣ. Свѣдѣнія о разногласіи латинянъ въ извѣстномъ пунктѣ доходили до слуха составителя, но въ чемъ дѣйствительно заключались эти разногласія онъ не могъ вполнѣ знать изъ каноническихъ постановленій и катихизическихъ ученій самой западной церкви, по причинѣ недоступности ихъ, и въ замѣнъ достовѣрныхъ свѣдѣній увлекался бабьями баснями, въ которыхъ нѣтъ недостатка не только въ современникахъ составителя, но даже и въ настоящее время въ кругу народной массы. Цѣль составителя достигалась—онъ указывалъ противорѣчіе западной церкви ученію вселенскому—даже такое противорѣчіе, которое подтверждаетъ его воззрѣніе на латинянъ какъ на злѣйшихъ еретиковъ. Но выяснялась ли чрезъ это правда, являлся ли чрезъ это составитель безпристрастнымъ цѣнителемъ заблужденій другихъ,—на это дастъ отвѣтъ положительное ученіе западной церкви о таинствѣ евхаристіи вообще и въ частности о причащеніи міряпъ, гдѣ говорится, что міряне должны быть причащаемы подъ однимъ видомъ хлѣба,—а также и полемическія сочиненія ревнителей православія, которыя обличаютъ уклоненіе западной церкви отъ ученія церкви вселенской только въ этомъ пунктѣ, и ни слова не говорятъ о причащеніи чрезъ цѣлованіе, какъ дѣлаетъ это составитель.

Окончивши дѣло съ обличеніями на латинскую церковь составитель соборнаго изложенія высказываетъ свое собственное мнѣніе о томъ, что должно повторять крещеніе и надъ

бѣлорусцами, крещеніе которыхъ совершается также чрезъ обливаніе. Основаніе такому воззрѣнію составитель находитъ въ прежде изложенныхъ обличеніяхъ на западную церковь, указъ его о перекрещиваніи бѣлорусцевъ есть не болѣе, какъ результатъ всѣхъ обличеній на западную церковь; а потому и достоинство его уничтожается, какъ по неосновательности выводовъ, дѣлаемыхъ составителемъ относительно крещенія латинской церкви, такъ и потому, что не всѣ даже тѣ заблужденія, которыя существуютъ въ западной церкви, или которыя только находитъ составитель, могутъ быть приложены къ бѣлорусцамъ. Нѣтъ нужды говорить подробно о неосновательности указа и о противорѣчіи его положительному ученію вселенской церкви; сущность дѣла говоритъ сама за себя; но нельзя пройти молчаніемъ тѣхъ противорѣчій составителя самому себѣ, которыя онъ допустилъ въ своемъ указѣ. Составитель говоритъ: если бѣлорусецъ обливанъ въ крещеніи и захочетъ перейти къ православію, то его должно совершенно крестить, а если онъ помазанъ мѵромъ, то его не должно помазывать вновь. На какомъ основаніи составитель признаетъ законность таинства мѵропомазанія, тогда какъ отвергаетъ законность таинства крещенія? Истинный взглядъ на дѣло требуетъ съ отверженіемъ таинства крещенія отвергнуть и таинство мѵра, потому что истинное мѵропомазаніе можетъ быть совершено только надъ истинно крещенными, какъ окончательное утвержденіе ихъ въ христіанствѣ, какъ сообщеніе имъ въ этомъ таинствѣ даровъ благодати на дѣла благая. По ученію православной церкви благодать сообщается только истинно вѣрующему, истинно крещенному св. крещеніемъ. Относительно таинства крещенія мнѣніе составителя то, что крещеніе западной церкви не есть истинное крещеніе, но паче оскверненіе; если же онъ сопоставляетъ крещеніе бѣлорусцевъ съ крещеніемъ латинскимъ и отвергаетъ его, то должно думать на томъ основаніи, что и послѣднее не есть истинное крещеніе, но паче оскверненіе, — какъ же онъ могъ признать законность таинства мѵра, совершеннаго надъ крещенными еретическимъ крещеніемъ, или что тоже надъ совершенно некрещенными. Таинство мѵропомазанія — есть окончательное утвержденіе въ христіанствѣ, а какъ же можно утвердить

въ христіанствѣ того, кто еще не принялъ христіанства, не крещенъ св. крещеніемъ? Дальнѣйшія основанія, по которымъ составитель отвергаетъ законность крещенія бѣлорусцевъ, думаемъ не нужно разбирать какъ потому, что достоинство нѣкоторыхъ изъ нихъ было разсмотрѣно при частномъ разборѣ изложенія, такъ и потому, что большая часть ихъ не можетъ быть названа даже основаніемъ; до того они мелочны, до того неосновательны, что сами за себя говорятъ какъ несостоятельныя.

При общемъ взглядѣ на соборное изложеніе патріарха Филарета замѣтно, что во всѣхъ обличеніяхъ его присутствуетъ глубоко затаенная ненависть ко всему папизму, ненависть проникшая, такъ сказать, все существо составителя, которая прорывается при каждомъ удобномъ случаѣ и по большей части въ такомъ тонѣ, какой несвойственен не только представителю кроткихъ пастырей христіанства, но и вообще всякому христіанину, по идеѣ самаго христіанскаго ученія — любвеобильнаго, дышащаго кротостью и снисходительностію къ слабостямъ своихъ послѣдователей. Онъ старается и въ лицѣ апостола заповѣдуетъ всячески стремиться къ тому, чтобы возможно болѣе пріобрѣсть послѣдователей, спасти ихъ въ нѣдрахъ своего ученія; но это неприложимо къ соборному изложенію составителя, въ немъ не только замѣтно отсутствіе христіанской любви, напротивъ, все оно проникнуто ригоризмомъ, отталкивающимъ отъ себя, какъ это можно видѣть при разсмотрѣніи его, и какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ современники составителя. Одинъ изъ нихъ прямо говоритъ, что до появленія соборнаго изложенія, до изданія повелѣнія перекрещивать латинянъ, переходящихъ къ православію, не рѣдки были случаи присоединенія латинянъ къ церкви православной, но послѣ изданія соборнаго изложенія явленіе это совершенно прекратилось, повелѣніе относительно перекрещиванія достигло своей цѣли, совершенно оттолкнуло отъ общенія съ православною церковію заблудшихъ собратій. Виноватъ въ этомъ случаѣ составитель и единственно составитель, потому что соборное изложеніе составлено имъ самимъ, и если не безъ согласія другихъ пастырей русской церкви, то потому только, что они дѣйствовали по иниціативѣ своего патріарха,

безусловно принимали то, что повелѣлъ онъ принимать, вполнѣ соглашались по крайней мѣрѣ формально съ тѣмъ, что составляло его мнѣніе; словомъ — его мнѣнія были для нихъ не какъ мнѣніе частнаго авторитетнаго человѣка, но какъ непреложный законъ. Не смотря на то, что изложеніе это выдано отъ лица собора, утверждено согласіемъ русскихъ святителей, на него должно смотрѣть какъ на произведеніе собственно одного лица, и въ этомъ только случаѣ можно найти объясненіе того ригоризма, съ которою относится оно къ послѣдователямъ западной церкви, той ненависти, которая проглядываетъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ обличеніи. Обратимъ вниманіе на судьбу составителя и мы увидимъ, что очень естественно могло въ немъ выродиться такое настроеніе, такая антипатія къ послѣдователямъ папизма. Патр. Филаретъ былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ пастырей церкви своего времени, глубоко укоренились въ немъ христіанскія начала, сильна была ревность о спасеніи своихъ пасомыхъ, но онъ видѣлъ какъ неистово свирѣпствовали враги православія—поляки,—съ какою наглостію относились они къ православнымъ и къ самому православію. Онъ былъ свидѣтелемъ поруганія святыни; неистовая военная толпа поляковъ, забывши всякое христіанское и даже человѣческое чувство, оскверняла храмы, безжалостно умерщвляла жителей, грабила церковное имущество и употребляла ихъ на свои нужды, на свои прихоти, дѣйствовала такъ, какъ непозволительно не только христіанамъ, но даже и язычникамъ. При взглядѣ на все это естественно могло родиться въ составителѣ соборнаго изложенія чувство ненависти къ оскорбителямъ святыни, какъ въ строгомъ ревнителѣ православія, какъ въ дѣятельномъ пастырѣ. Католики въ этомъ случаѣ являлись злѣйшими и сквернѣйшими еретиками, и составитель былъ бы правъ, еслибы заклеймилъ ихъ такимъ названіемъ, но онъ увлекся уже слишкомъ далеко. Дѣятельность военныхъ фанатиковъ, разрушавшихъ святыню въ порывѣ разгоряченнаго войною воображенія онъ выводилъ изъ принципа самой западной церкви, смотритъ на безчинія фанатиковъ, какъ на фактъ освященный самою церковію. „Се убо имъ (папежникамъ) тщаніе непрестанно еже прельстити сильныхъ и великихъ на земли; еже смутити вбрань

и вкровопролитіе ввести народы, яже и до днесь вних неумиримая раздѣленія о скверпѣ вѣрѣ ихъ, и градовомъ многимъ погибель повсюду отъ нихъ бываетъ.... и яже сростригою Григоріемъ отрепьевымъ, разореніе царствующему граду Москвѣ и во всей велицѣй Росіи запустѣніе многимъ мѣстомъ сотвориша.... и великимъ и владычествующимъ мѣстамъ погибель творятъ.... и мнятся о семъ безгрѣшни и не винни быти"... По составу рѣчи составителя выходитъ, что всѣ поименованныя дѣйствія католиковъ освящаются ученіемъ ихъ церкви, что опи дѣйствуютъ по внушенію своей религіи и потому считаютъ себя безгрѣшными, невиновными въ своихъ безчинiяхъ. Такимъ образомъ онъ произвольные поступки послѣдователя западной церкви признаетъ за дѣятельность самой церкви, уклоненіе отъ повелѣній религіи считаетъ за норму религіи, нѣсколько тысячъ послѣдователей признаетъ за самую церковь въ полномъ ея составѣ, и на основаніи своего воззрѣнія тотъ приговоръ, который могъ бы онъ произнесть собственно о полякахъ, имѣя въ виду собственно проявленіе ихъ догматическаго и нравственнаго ученія, онъ относитъ ко всей церкви, оставляя безъ вниманія ея вѣроученіе и руководясь только проявленіемъ этого ученія въ ея послѣдователяхъ. Справедливая и законная ненависть къ полякамъ, виновникамъ бѣдствій нашего отечества, потеряли свою законность, когда составитель всецѣло перенесъ ее на ту церковь, часть которой составляли поляки и служитъ подрывомъ авторитета составителя, какъ безпристрастнаго цѣнителя вѣроученія западной церкви. Во время пребыванія своего въ польскомъ плѣну, по собственнымъ словамъ составителя, онъ претерпѣвалъ тамъ многія нужды и оскорбленія, какъ уполномоченный представитель русской земли, какъ членъ государственной депутаціи, онъ имѣлъ право разсчитывать если не на уваженіе со стороны поляковъ, то по крайней мѣрѣ на человѣческое съ нимъ обращеніе, но въ замѣнъ этого онъ терпѣлъ лишь одни оскорбленія, одни притѣсненія и упреки, и это не могло не породить въ немъ чувства ненависти къ своимъ незаконнымъ притѣснителямъ. Странствуя изъ мѣста въ мѣсто по польской странѣ, какъ плѣнникъ, составитель соборнаго изложенія въ продолженіи девяти лѣтъ могъ ознакомиться коротко съ бытомъ

народа, имѣлъ случай насмотрѣться на приложеніе къ жизни догматическаго и нравственнаго ученія западной церкви. Извѣстно, что какъ бы ни было чисто вѣроученіе и нравоученіе, въ приложеніи его къ жизни, въ дѣятельности послѣдователя всегда можно встрѣтить множество уклоненій, извращеній даже сущности своего вѣроученія, все это очень естественно, но не можетъ еще служить упрекомъ самому вѣроученію. При столкновеніи съ несообразностями въ жизни послѣдователей, какого бы то ни было вѣроученія, необходимо нужно обращаться къ каноническому изложенію вѣроученія, къ символическимъ его сочиненіямъ и по нимъ судить насколько законна жизнь послѣдователей, насколько они имѣютъ оправданія въ самомъ вѣроученіи, и тогда уже произносить приговоръ или о самомъ вѣроученіи или же объ ослушникахъ его. Составителю соборнаго изложенія была доступна собственно одна сторона дѣла, именно, онъ видѣлъ уклоненія отъ вѣроученія, но не могъ провѣрить, насколько законны эти уклоненія, насколько оправдываются они вѣроученіемъ, потому что онъ не отличался вообще знаніемъ иностранныхъ языковъ, по научному развитію не могъ быть отнесенъ къ числу передовыхъ людей; а потому онъ всѣ уклоненія принималъ за чистую монету, фактическое извращеніе вѣроученія западной церкви признавалъ за самое вѣроученіе и сужденіе о церкви произносилъ на основаніи только примѣненія этого вѣроученія къ жизни. Этимъ предположеніемъ не оправдывается взглядъ составителя на латинскую церковь, но по крайней мѣрѣ выясняется какимъ образомъ онъ могъ взнести на нее такія обвиненія, какія не приложимы къ ней, если взять во вниманіе ея вѣроученіе, какимъ образомъ онъ могъ найти въ ея вѣроученіи такія заблужденія, которыя вовсе не существуютъ въ ней. Поверхностное знакомство составителя съ вѣроученіемъ западной церкви, его предзанятое мнѣніе о ней, какъ о еретической изъ еретическихъ, выработанное подъ вліяніемъ чувства ненависти къ ея послѣдователямъ, при взглядѣ на ихъ звѣрскія поступки, и при воспоминаніи о нихъ,—вотъ единственное объясненіе почему составитель такъ непріязненно относится къ западной церкви и подводитъ ее подъ категорію самыхъ закоренѣлыхъ еретиковъ. Это явленіе не говоритъ, разумѣется, въ пользу

составителя, напротивъ прямо свидѣтельствуетъ о его односторонности воззрѣній и его недобросовѣстности вывода, — служившаго причиною погибели многихъ можетъ быть изъ послѣдователей западнаго ученія, которые при другомъ взглядѣ на нихъ перешли бы къ православію, но при этомъ оставались въ своемъ заблужденіи; какъ справедливо замѣтилъ объ этомъ одинъ изъ современниковъ патріарха Филарета, очевидецъ свидѣтель того вліянія, какое произвело постановленіе соборнаго изложенія на тѣхъ, противъ которыхъ оно направлено.

Антипатія къ папежникамъ, дышащая желчію въ составителѣ соборнаго изложенія, оттолкнула въ конецъ послѣдователей церкви западной отъ церкви восточной, привнесла въ тактику восточной церкви элементъ совершенно чуждый въ отношеніи къ разномыслящимъ, но она же принесла и пользу вообще православію и въ особенности церкви русской; какъ отраженіе пропагандирующему принципу западной церкви. Исторически слѣдя за дѣятельностію западниковъ и въ особенности папъ, нельзя не замѣтить непреодолимаго стремленія ихъ завербовать подъ свое вліяніе церковь русскую. Попытки папъ вкоренить въ Россіи папизмъ со всѣми его оттѣнками, не имѣли никогда успѣха и все болѣе и болѣе раздражали эгоизмъ папъ и подстрекали ихъ властолюбіе. Вмѣсто полнаго господства надъ русскою церковію западная церковь рѣшилась наконецъ сдѣлать уступку съ своей стороны (если дѣятельность подобнаго рода можно назвать уступкою), дозволила себѣ смягчить свое требованіе, умалить свой эгоизмъ, составила посредствующую, такъ сказать, религію, между ученіемъ церкви восточной и церкви западной, и ученіе такого рода положила внѣдрить въ россійскомъ государствѣ. Хитрой пропагандѣ западной церкви, изувѣрски-ласкательной дѣятельности отцевъ іезуитовъ, нужно было противоставить сильное оппозирующее начало, чтобъ избѣжать ихъ вліянія. Проникнуть всѣ тонкости ихъ пропаганды, впередъ узнать планъ ихъ—совершенно подчинить русскую церковь своей власти, послѣдователи русской церкви не могли при томъ умственно-религіозномъ развитіи, какое было въ Россіи въ XVI столѣтіи. Одного практическаго смысла было недостаточно для того, чтобы проникнуть всю хитрость плана папъ,

или точнѣе говоря іезуитовъ, чрезъ посредствующее вѣроученіе, въ послѣдствіи окончательно подчинить себѣ русскую церковь. Для этого нужно было прослѣдить исторически всю тонкость политики со стороны папъ въ стремленіи всесвѣтнаго господства надъ церковію и государствомъ, при чемъ требуется полное научное развитіе. Но какъ условія подобнаго рода нельзя было найти въ народной русской массѣ, то естественно предположить со стороны ихъ возможность увлечься схоластикою западниковъ, поддаться вліянію папъ и единственный путь, которымъ они могли избавиться отъ подобнаго увлеченія заключался для нихъ въ крайнемъ разъединеніи съ западною церковію; а взглядъ составителя соборнаго изложенія, проникшаго въ сознаніе народной массы, какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ развитію подобнаго антипатичнаго взгляда. Представляя католиковъ еретиками злѣйшими изъ всѣхъ еретиковъ, онъ прерывалъ всякую возможность тѣснаго сношенія съ ними, поселилъ въ народѣ предзанятое мнѣніе о нихъ, какъ о такихъ христіанахъ, которые утратили всю чистоту христіанства и въ замѣнъ чистой истины привнесли въ свое вѣроученіе всѣ заблужденія древнихъ еретиковъ. Понятно, при такомъ взглядѣ на западную церковь русская народная масса не могла поддаться вліянію миссіонеровъ — іезуитовъ. Какъ бы ни были сладки ихъ рѣчи, какъ ни заманчивы были ихъ обѣщанія — взглядъ на нихъ какъ на злѣйшихъ еретиковъ служилъ крѣпкимъ оплотомъ противъ наплыва западной власти надъ русскою церковію, и противъ заблужденій, какъ необходимаго слѣдствія водворенія этой власти; и взглядъ этотъ выработался подъ вліяніемъ воззрѣнія патріарха Филарета, воззрѣнія его личнаго, прикрытаго титломъ воззрѣнія соборнаго, воззрѣнія всѣхъ русскихъ священноначальниковъ, выработаннаго общею ихъ дѣятельностію, на основаніи ученія вселенской церкви. Если предположить подобнаго рода вліяніе на народную массу взгляда составителя (а предположить необходимо, — онъ и до сихъ поръ пользуется авторитетомъ между приверженцами старины), то въ этомъ отношеніи и единственно въ этомъ отношеніи соборное изложеніе патріарха Филарета имѣло благодѣтельное вліяніе на народъ собственно русскій. Въ этомъ отношеніи можно смотрѣть на него какъ

на свѣтлое явленіе своего времени, принимая въ разсчетъ тѣ добрыя послѣдствія, которыя произошли отъ ригористическаго его взгляда. Но если смотрѣть на него безъ отношенія къ послѣдствіямъ, какія отъ него произошли, то въ этомъ случаѣ, оно служитъ выраженіемъ и свидѣтельствомъ его неудержимо желчнаго настроенія, его пристрастія, недопускавшаго прямо смотрѣть на дѣло. Преслѣдуя постоянно предзанятое свое мнѣніе, относительно латинянъ, онъ иногда намѣренно не видитъ истины, извращаетъ положительное ученіе западной церкви и очень часто недобросовѣстно относится къ правиламъ св. соборовъ и св. отецъ, выбирая изъ нихъ одно слово, одну неполную мысль для подтвержденія своего воззрѣнія. Его ригоризмъ, во взглядѣ на латинянъ, доводитъ часто до противорѣчія самому себѣ, что необходимо должно быть при извращеніи истины и при томъ натянутомъ развитіи мысли, съ которымъ онъ проводитъ свои положенія.

